

В.С. Флёров

«ГОРОДА» и «ЗАМКИ»
ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА
Археологическая реальность

V.S. Flyorov

«CITIES» AND «CASTLES»
OF KHAZARIAN KAGANATE
Archaeological Reality

Валерий Сергеевич Флеров
«Города» и «замки» Хазарского
каганата. Археологическая реальность

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816649

*«Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность: Мосты культуры/
Гешарим; Москва; 2011
ISBN 978-5-93273-333-0*

Аннотация

«Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2011. – 264 с.

Термин «город» утвердился в археолого-исторической литературе при описании некоторых городищ Хазарского каганата. Насколько он обоснован материалами раскопок? В.С. Флёров приходит к отрицательному ответу: в Хазарском каганате городов не было.

Решение проблемы автор нашёл в строгом рассмотрении археологического материала памятников каганата, претендующих на статус города. В общем виде программа исследований сформулирована так – город или что-то иное. Для Хазарии она может выполняться на основе планов поселений, типов построек, размеров фортификационных сооружений, наличия ремесленного производства.

В книге исследуются также социально-экономические вопросы: о кочевании, развитии экономики, феодализме, степени централизации в каганате.

Содержание

От автора	4
Термин «город» и что за ним стоит	8
Из истории и историографии города	8
В поисках хазарских городов	13
Бассейн Дона – Северского Донца	17
Саркел-Белая Вежа	17
Семикаракоры	26
Правобережная цимлянская крепость и проблема феодального замка	30
«Замки» или иное	34
Маяцкое поселение	38
Верхне-Ольшанский комплекс	40
Верхнее Салтово и Нетайловка	44
Маяки	50
«Протогорода», «раннегородские структуры»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Валерий Сергеевич Флёров

«Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность

Памяти Раио Раиева

От автора

Идея предлагаемой читателю книги формировалась исподволь. Первый толчок дала необходимость самому себе объяснить, как же в конечном итоге определять в терминах и по существу Семикаракорское городище, которое я копал в 1971–1974 гг., и исследуемое мною доньне Правобережное Цимлянское городище.

За Правобережным Цимлянским, как и за Маяцким, издавна закрепился термин «замок». С Маяцким городищем и прилегающим к нему поселением я хорошо знаком, будучи свидетелем, а эпизодически и участником их раскопок, проводившихся в 1975? 1977–1982 гг. под руководством С.А. Плетнёвой и А.З. Винникова.

Сложнее было с Семикаракорским городищем, на месте которого изредка предполагалось открыть руины «города», а равно и с Саркелом, который прямо называют городом. С Саркелом познакомиться на месте сегодня невозможно – он давно затоплен Цимлянским водохранилищем, но с высоты Правобережного городища хорошо видно место, где он находился. Нетрудно представить, насколько в своё время миниатюрными выглядели белокаменный Правобережный «замок» и краснокирпичный «город» Саркел – Левобережное городище на фоне бескрайней степи.

О дальнейшем развитии темы нетрудно догадаться. Как по цепочке, одно за другим, пришлось рассматривать те городища салтово-маяцкой культуры, о которых имелись более или менее подробные сведения. За пределами исследования пришлось оставить земляные городища – слишком незначительно они раскопаны. Впрочем, я и ограничил объём работы в основном белокаменными и кирпичными крепостями.

Сомнения в том, что в каганате существовали города, возрастало, и впервые (не считая мелких публикаций) я обнародовал их в статье с простым заголовком «Были ли в Хазарском каганате города? Археологический аспект проблемы» (2005). Именно археологический, так как письменных данных о населённых пунктах каганата почти нет. Исключения – смутные известия о Беленджере, Семендере и более пространные – об Итиле. О крепостях бассейна Дона, кроме Саркела, вообще ни слова.

Интерес к теме подогревался идущими уже несколько лет раскопками городища Самоделка в дельте Волги. Итиль? Не Итиль?

Наконец, возникли вопросы, что же считать «хазарским городом» и по каким признакам его остатки можно выделить среди городищ; как определить ту историческую черту, за которой большое поселение становится городом? Далее логика исследования помимо моей воли с неизбежностью привела к теме социально-экономических отношений в каганате и проблеме феодализма.

К сожалению, какой бы вопрос ни приходилось затрагивать, везде сталкиваешься с недостатком, а то и полным отсутствием надёжной информации. В какие-то моменты необходимо было воздержаться от излишней конкретизации, чтобы не пойти по весьма ненадёжному пути реконструкций. Я в принципе не сторонник окончательных выводов и излишних предположений, особенно когда одно предположение обосновывается предшествующим.

Возникает «карточный домик», который неизбежно рухнет. Археологические источники неисчерпаемы, и то, что неизвестно и неясно сегодня, станет известно следующему поколению археологов. Иного пути нет, но обсуждение текущих проблем необходимо вести постоянно. Таким обсуждением и является большая часть книги. В ней не следует искать чётких ответов на многие вопросы. Вместе с тем *на мною же поставленный вопрос я отвечаю твёрдо: городов в Хазарском каганате не было.*

В небольшой книге совершенно невозможно приводить все существующие определения понятия «город». Общего для всех эпох и культур и быть не может. Если в политэкономии, особенно марксистской, такие дефиниции созданы, то применить их к археологизированным объектам разной сохранности оказывается чрезвычайно сложно. Но это никак не избавляет от новых попыток, которые со временем будут всё продуктивнее.

Тема книги требовала посмотреть, что представлял собой процесс урбанизации за пределами каганата. Экскурсы в Византию, на Балканы и на Ближний Восток оказались чрезвычайно полезными. Разумеется, они не могут подменить поиск специфики «хазарского пути» развития общества, но и саму эту специфику можно обнаружить только на фоне урбанизации в современном Хазарскому каганату окружении. Особенно продуктивно обращение к исследованиям по проблемам становления ханских резиденций в Первом Болгарском царстве, имеющем общие исторические корни с Хазарским каганатом. Надо признать, что в (пра)болгаристике многие проблемы урбанизации на сегодня разработаны полнее и глубже, нежели в хазароведении. Тема позднеантичного-ранневизантийского города и поселений городского типа, «аула», «лагеря» и собственно средневекового болгарского города не сходит со страниц болгарских археологических и исторических изданий.

Мало того, оказалось не лишним обратиться и к «классической» медиевистике Западной Европы, хотя это и не нашло прямого отражения в книге. Отмечу лишь, что громадный фактический материал, источники и изложение теорий и истории происхождения города, реже замка, Западной Европы содержатся в изданиях второй половины XIX–XX вв. Я преднамеренно почти не касался истории становления города на Руси и признаков древнерусского города. По некоторым впечатлениям, список ранних древнерусских городов должен быть пересмотрен в сторону сокращения.

Далеко не всё, затронутое в моей очень небольшой книге, освещено в равной степени. В этом отношении я оказался в прямой зависимости от публикаций других авторов, ведь в научной литературе городища Хазарского каганата описаны далеко не в равной степени подробностей. Различен и научный уровень публикаций. Не все нужные для работы украинские издания последних лет оказались мне доступны, как, впрочем, и российские региональные издания.

Большие трудности вызывала проблематика пребывания хазар в Крыму, особенно в Сугдее. Разногласия в оценке хазарского наследства на полуострове необычайна и не вполне соответствует степени опубликованности материалов раскопок.

Общее впечатление от состояния проблемы городов в Хазарском каганате в конечном итоге оказалось для меня неожиданным: подавляющее большинство многочисленных статей содержит не рассмотрение археологической конкретики, а *мнения, представления и реконструкции*. Прокомментировать и даже просто упомянуть все известные высказывания по поводу интерпретации хазарских городищ было невозможно, тем более что пришлось затронуть и некоторые общие проблемы археологии и истории Хазарского каганата. Список использованной литературы и без того чрезмерен.

При всех моих критических замечаниях к трудам С.А. Плетнёвой, должен признать, что она единственная, кто попытался разобраться в целом, что же такое хазарский город. Другое дело, что она исходила из собственного не оправдавшегося предположения о том, что в Хазарском каганате города должны быть непременно. Тема города, надо это помнить,

лишь одна из страниц её большого научного наследия, которое заслуживает специального объективного исследования. Именно объективного, поскольку вся археология Хазарского каганата – это непрекращающаяся дискуссия между авторами часто взаимоисключающих мнений.

В данной книге в значительной степени преобладает историографический элемент. В археологии, как в любой отрасли знания, периодически возникает необходимость разобратся в нагромождении накопленных гипотез, толкований опубликованных материалов и в итоге выудить из них самое ценное и действительно новое.

* * *

Круг лиц, кто действительно помогал мне в работе, невелик. Татьяна Михайловна *Калинина*, несмотря на постоянную загруженность, выкраивала время для неоднократного чтения рукописи. Многое было исправлено и заново переписано по её очень доброжелательным и ненавязчивым замечаниям.

Обязанности постоянного домашнего корректора и редактора выполняла моя жена Валентина Евгеньевна *Флёрова*, сама причастная к археологии Хазарского каганата.

Бесконечная признательность моим верным друзьям Людмиле *Дончевой-Петковой* и её супругу Петю, заботами которых я смог объездить ряд интереснейших археологических памятников Болгарии. Увиденное в этих экскурсиях мне очень пригодилось в работе над книгой. Перефразируя известную пословицу, могу сказать – лучше один раз увидеть, чем много раз читать описания.

Но и без болгарской литературы обойтись было невозможно. Искренне признателен культурологу профессору Цветелину *Степанову* и молодым археологам Евгении *Коматаровой-Балиновой* и Марии *Христовой*, постоянно снабжающим меня новейшей болгарской археологической литературой.

Владимир Яковлевич *Петрухин* – центральная организующая фигура отечественного хазароведения и его представитель в связях с иностранными коллегами. Только благодаря его неимоверным усилиям удавалось в рамках «Хазарского проекта» в течение восьми лет продолжать раскопки Правобережного Цимлянского городища. Раскопки носят не только научный, но и спасательный характер. Если бы не его инициатива, Цимлянское водохранилище полностью уничтожило бы всю восточную стену белокаменной крепости без предварительного её исследования. Как видно из прилагаемой статьи Владимира Яковлевича, наши взгляды на ряд проблем могут не совпадать, что не мешает продолжать наше сотрудничество.

Человек, без которого рукопись не превратилась бы в книгу, – глава издательства «Гешарим-Мосты культуры» Михаил Львович *Гринберг*. Моё обращение к данному издательству совсем не случайно. «Гешарим» принадлежит к числу лучших современных культурных издательств равно России и Израиля. Культурных в том смысле, как это понималось во времена К.Т. Солдатенкова, братьев М.В. и С.В. Сабашниковых, И.Д. Сытина. Тематика издаваемых в «Гешариме» книг чрезвычайно обширна, но мне приятно отметить, что среди них заметное место занимают посвященные хазарской истории и археологии, в том числе объёмистые и прекрасно оформленные два тома «Хазары», выпущенные в 2005 и 2011 гг. У меня есть и особая причина быть признательным М.Л. Гринбергу – «Гешарим» почти полностью финансирует издание книги!

* * *

К громадному сожалению, выражать признательность крупному болгарскому историку и археологу Рашо Рашеву приходится посмертно. С ним меня связывали общие интересы в археологии праболгар и добрые приятельские отношения со времени нашего знакомства в 1970-х гг. на раскопках Маяцкого могильника. Эта книга – дань уважения ученому, чьими трудами я пользуюсь постоянно.

* * *

Приношу глубокие извинения читателям за возможные погрешности и опечатки, которые могли быть не замечены мною.

В.С. Флёров
Март 2011 г.

Термин «город» и что за ним стоит

Из истории и историографии города

Распространённое явление в археологии – существование стереотипов, рождение которых весьма трудно проследить в историографии. Это относится и к термину «город», достаточно прочно утвердившемуся в археолого-исторической литературе при описании городищ Хазарского каганата. Насколько он обоснован материалами раскопок, накопленными к нашему времени? Это предстоит рассмотреть в предлагаемой книге¹.

Но прежде о самом термине «город». Слово «город» русского языка происходит от *городить, ограждать*. Подчёркиваю, *русского языка* (как и некоторых славянских), т. к. в других этимология эквивалента слова может быть совершенно иной, как и его содержание, смысл, вплоть до социального значения.

В римской и раннесредневековой западноевропейской лексике ряд терминов так или иначе также был связан с обозначением укреплений, крепостей, оград: *oppidum* – всякое обнесённое стенами место, *castrum* – специальное обозначение военного укрепления. В эпоху Каролингов используются *castrum, castellum, burgus*. В немецком языке термин *burg* — первоначально огороженное, укреплённое место, а позднее – всякий город. Последнее – симптом того, что терминология формализуется, прежнее военное или социально-экономическое содержание терминов стирается.

Города Руси, совершенно несоизмеримые между собою по площади и численности населения, многократно описаны, в том числе в одном из томов серии «Археология СССР» (Древняя Русь. 1985) – Теории возникновения и лежащие в их основе признаки древнерусских городов многочисленны.

Изначально «город» по русской терминологии – это населённый пункт, имеющий по периметру искусственное ограждение в виде стен из любого материала. Они могли и часто сочетались со рвами и валами. При этом было совершенно не важно, кто находился внутри, гарнизон, гражданское население или те и другие. В случае осады население поголовно осуществляло оборону. Не принимались во внимание архитектурно-планировочная структура города, занятия жителей.

Особая тема – становление города, трансформация поселения – *негорода* в город. Тема имеет свою историю и терминологию, в которой фигурирует *протогород*. Это определение принято относить к древнейшим эпохам истории человечества, в частности к большим поселениям Древнего Востока. Однако мы встречаем его в приложении к памятникам иных эпох и археологических культур других территорий.

«Протогородами» названы большие укреплённые рвами городища первой половины I тыс. н. э. на Северном Кавказе – Брут, равно и Зилги, Алханкала, Нижний Джулат (Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2007. С. 460). Основной аргумент – большие размеры и мощная фортификация перечисленных городищ. Достаточно ли этого, чтобы сблизить, к примеру, северо-причерноморские собственно города, часто небольшие, и синхронные им указанные большие северокавказские памятники? Вопрос неизбежен. В тезисах одного из докладов В.Б. Ковалевской о городищах Северного Кавказа опять упомянуты те же протогорода с посадками, на которых «следы высокоорганизованных ремёсел свидетельствуют о высокой социальной организации алан». «Расцвет протогородов» отнесён к III–V вв. (Ковалевская В.Б.

¹ См. первые варианты в форме статей (Флёров В.С. 2005, 2007) и тезисов (Флёров В.С. 2008). Предлагаемый текст переработан и значительно дополнен.

2008. С. 51). Примечательно, что непосредственно в ходе доклада В.Б.Ковалевская отметила, что данный термин применительно к перечисленным памятникам надо употреблять в кавычках.

Имея в виду те же городища, несколько дальше пошёл А.А. Туаллагов. С оговоркой «возможно» он пишет о создании в Центральном Предкавказье в II–IV вв. «мощного протогосударственного объединения с необычайно высокоразвитой культурой», с «*урбанистическим типом экономики*» (Туаллагов А.А. 2008. С. 48). Правда, автор констатирует, что основная масса исследованных аланских памятников указанного времени ещё не введена в научный оборот. Тем более нужна осторожность при общих характеристиках происходивших здесь социально-экономических процессов. Признаюсь, для меня осталось неясным, какие черты могут характеризовать «*урбанистический тип экономики*» Центрального Предкавказья первой половины I тыс. н. э. Попутно возникает ещё один вопрос: «необычайное развитие» аланской культуры в сравнении с какими культурами? Вопрос в критериях. Я оцениваю в целом аланскую культуру Северного Кавказа и первых веков н. э., и V–XII вв. как совершенно заурядную, как, впрочем, и культуру Хазарского каганата. Высокоразвитыми их можно назвать разве что в сравнении с восточнославянскими. В археологии вообще существует тенденция называть многие культуры «высокоразвитыми». Всегда возникает вопрос: по сравнению с какими?

«Протогородской центр» из нескольких поселений (гнездо поселений) гуннского времени в составе «особой этнополитической *протогосударственной* структуры» выделен в лесостепи Верхнего Дона (Обломский А.М. 2006. С. 240, 241).

Помимо «протогорода» в литературе фигурирует термин «первогород», который я встретил в приложении к поселениям бронзового и раннего железного века Сибири (Кызласов Л.Р. 1999; здесь явно имело место неравнодушное отношение автора к изучаемому региону).

Достаточно и этих примеров, наводящих на мысль, что объявление «протогородами» тех или иных поселений осуществляется произвольно (см. ниже раздел «Протогорода»).

Ещё более сложная тема – «города» ацтеков и майя.

Понятие «город» имеет, это известно, весьма расплывчатое содержание как в описаниях прошлых веков, так и в историографии. В современной русской лексике историков и археологов оно применяется к разнообразным объектам во времени, географии, сильно различающимся в социальном отношении, по фортификации и архитектуре застройки. Вот отдельные примеры.

Городами называются: Поян, Чаньань в Китае; Мохенджо-Даро, Хараппа, Матхура, Амаравати в Индии; Вавилон, Ур, Урук, Лагаш, Дамаск, Тир, Сидон; Троя, Гераклея, Эфес, Милет; Пелла, Фивы, Афины, Антиохия; Ольвия, Херсон, Фанагория; Гераклеополь, Мемфис, Саис; Кирена, Зама, Карфаген, Тингис; Сиракузы, Мессан, Неаполь, Рим; на Пиренеях – Кордуба, Сагунт; Лютеция, Лондиний. Многие из них существуют поныне. Это лишь мизерная выборка из так называемого Древнего мира.

В средние века количество и многообразие городов безмерно возросли во всех областях ойкумены. Вот лишь некоторые, синхронные Хазарскому каганату: Ханчжоу в Китае; Мартабан и Ангкор в Индокитае; Каликут в Индии; Газни, Мерв, Самарканд; Иконий, Хале; Киева и Момбаса в Восточной Африке; Барка и Мисурата, Александрия в Северной Африке; Мекка/Макораба и Ятриб/Медина, Санаа на Аравийском полуострове; Дамаск, Багдад; Константинополь и Никея; Херсон в Крыму; Средец в Болгарии; Краков, Венеция, Генуя и Винчи, Кордова в Европе и сотни других.

Возьмём также небольшую и преднамеренно неупорядоченную выборку иных показателей – количественных.

Ниневия: протяженность стен 7,5 мили со рвом с внешней стороны (Ллойд С. 1984. С. 212).

Вавилон времени Навуходоносора II (605–562 гг. до н. э.): стены города из сырцового и обожженного кирпича охватывали площадь в 25 кв. км.

Сиракузы: периметр стен в III в. до н. э. 27 км.

Иерусалим: император Тит осадил в городе, по сообщению Тацита, 600 тыс. человек всех полов и возрастов в 70 г. н. э. (Тацит. Кн. 5: *и*). Цифра, конечно, завышена, но даже при десятикратном уменьшении останется внушительное население («600 000» фигурируют и у Ибн Хордадбега как число иудеев в Александрии (1986. С. 128, § 76); эта цифра известна у многих древних и средневековых авторов, выражает «бесчисленное множество»). Одна из стен Иерусалима несла 14 башен, другая 60, только стена Храма имела периметр в 1100 м. В VI в. население города в пределах 40 тыс.

Рим: по Ибн Хордадбеку (1986. С. 104, § 58), длина городской стены от восточных ворот до западных 28 миль.

Константинополь. О нём написано много. Напомню, город в средневековье имел минимум 118 башен. Несколько линий каменных стен, из которых самая значительная стена Анастасия, измерялись километрами.

Антиохия: население в VI в. в пределах 150 тыс. Протяженность каменных стен ко времени Первого крестового похода достигала 37 км.

Дамаск: в VII в. ещё небольшой: 1600 x 800 м.

Херсонес: население в IV–IX вв. 6–7 тыс. (Сорочан С.Б. 2004а. С. 60). На Херсонес я обращаю особое внимание. Он может быть принят как один из эталонов по численности населения, при известной площади и плотности застройки (Сорочан С.Б. 2005), для сравнения с городищами Хазарского каганата.

Для сравнения можно выбрать любые города сопредельных стран, с которыми у каганата были контакты. В первую очередь это относится к Халифату с его сырцовым кирпичным и каменным строительством. Любопытно отметить, что буквально в те же годы, когда при содействии императора Феофила (829–842) возводились стены Саркела – наиболее совершенной крепости каганата, халиф Мутасим (833–842) строит севернее Багдада собственную столицу город Самарра.

Каждый автор может составлять списки по интересующему его направлению исследования, будь то фортификация и строительный материал, население и т. д. Я же преднамеренно выбрал случайные образцы, показывающие, каких размеров и численности населения могли достигать *города* разных эпох и культур (о численности населения и методике ее расчета см. Большаков О.Г. 2001. С. 98–122).

Непосредственно на прежней территории интересующего нас Хазарского каганата существовали открытые, без стен, города Золотой Орды.

Иногда термин «город» трансформируется, уточняя размеры объекта. Так, в XVI–XVII вв. на Дону возникают казачьи стационарные *городки* с примитивной фортификацией и ещё более примитивными жилищами типа полуземлянок (Рыблова М.А. 2002. С. 26–48). Назвать такие поселения небольшим городом совершенно невозможно, хотя наименование вроде бы к этому располагает. Таким был Черкасск – столица Войска Донского. При основании городка в XVI в. разливы Дона защищали его, к концу XVIII в. они стали препятствием для выполнения столичных функций. Со строительством новой столицы г. Новочеркаска прежняя в самом начале XIX в. официально переводится в разряд станиц и переименовывается в Старочеркасскую. Таких превращений, как и вызывавших их причин, в истории множество.

Не следует забывать, что термин «город» продолжает бытовать по настоящее время, причём применяется к поселениям, существующим с древности, и новым, несравнимым

между собою ни по каким параметрам. С одной стороны – Самарканд, Баку, Тбилиси, Москва, Самара и аналогичные с населением в сотни тысяч, миллионы человек. С другой – вчерашние посёлки, искусственно переведённые в категорию городов. На Нижнем Дону, к примеру, бывшие ещё в середине XX в. станицы Семикаракорская и Цимлянская (давние имена известным городищам каганата) ныне «преобразованы» в города, хотя в занятиях их населения сельское хозяйство, включая приусадебное, продолжает занимать заметное место; архитектура совершенно сельская, но они развиваются, население увеличивается. Сегодня отмечается и обратный процесс. В России, как в древности, идёт деградация малых городов. Пример тому Ростов Великий.

Из перечисленного приходится делать вывод: термин «город» (не только в русской историографии) слишком неопределён в применении к любой эпохе. Не буду повторять то, что уже сказано другими историками. Проста и ясна формулировка О.Г. Большакова: *«Понятие “город” относится к числу тех, казалось бы, очевидных истин, которые в силу своей очевидности вроде бы и не нуждаются в определении, но именно поэтому труднее всего ему поддаются»* (Большаков О.Г. 2001. С. и). Исследователи при малейшей возможности привлекают историческую лексику изучаемых ими регионов и эпох и вкладываемые в неё понятия древних и средневековых народов, т. е. населения этих городов, но для Хазарского каганата мы такого источника лишены.

Для Древнего мира и средневековья в лучшем положении оказываются исследователи, располагающие *комплексом* в составе письменных и археологических источников. Но даже при наличии письменных привлечение археологических источников крайнее необходимо в силу их объективности. В частности, только раскопки позволяют проверить и оценить достоверность сообщений древних авторов о размерах и численности населения конкретного населённого пункта. Столь же надёжна информация археологии о состоянии ремесла, соотношения скотоводства и земледелия (особенно при использовании методов естественных наук, в том числе палеопочвоведения).

Что касается исторических условий и конкретных причин возникновения города, то труды на эти темы бесчисленны, а концепции подчас несовместимы; многие из них уходят в область философии и общей методологии исторической науки. Обзоры мнений представлены во всех исследованиях по городской проблематике. Для хазароведения чрезвычайно продуктивно в методическом отношении обращение к исследованиям по восточной исторической урбанистике, от древнейшей до раннесредневековой. Достаточно упомянуть труды Е.В. Антоновой, О.Г. Большакова, И.М. Дьяконова, Э.В. Сайко.

Не желая затруднять читателя историографическими экскурсами в востоковедение и его достижения в изучении древнего города, остановлюсь на примере иного характера, почерпнутом из востоковедения. Он привлёк меня стремлением использовать некую общую вневременную схему в изучении города и его становления на примере Ашшура (Бондарь С.В. 2008). Исходный тезис исследования: «...при всём многообразии и многоукладное™ современного общества, при всех изменениях, которые *город* претерпевал в ходе эволюционного развития человечества, всегда *сохранял универсальную структуру* своей системы. Менялись исторические реалии, эпохи, калейдоскопом мелькали герои, события, изменялись традиции, но неизбежно проявлялись *универсальные законы развития*» (Бондарь С.В. 2008. С. 7). Далее в главе «Причинно-системный подход в исследовании древнего города» (заголовок говорит сам за себя) автор определяет «общественно-историческую систему (каковой является и древний город) следующим образом: *«Общественно-историческая система – упорядоченная, логическая конструкция, модель, содержащая в своей основе набор постулатов и обладающая в своей совокупности общей функцией по отношению к метасистеме, что позволяет учёному (или научному коллективу) организовать исследования упорядоченным и осмысленным образом»* (Бондарь С.В. 2008. С. 45). Некоторое про-

творение во фразе заметно сразу. Общественно-историческая система в ней определяется и как объект исследования (город), и как метод. Вся глава посвящена расшифровке «общественно-исторической системы» вплоть до многочисленных графиков сопряженности разных понятий и явлений². Парадокс заключается в том, что в книге вся сложная теоретическая схема не реализована и не могла быть реализована ввиду своей искусственности, а также в силу отрывочности исторических сведений и неоднозначности в понимании документов.

Теоретические поиски С.В. Бондарь интересны прежде всего как неудачная и потому поучительная попытка преодолеть неполноту и отрывочность источников обращением к умозрительной схеме. Этот опыт должен быть учтён и в хазароведении, где база источников по всем типам поселений ещё весьма скудна.

² Перечислю только некоторые разделы и термины. Общественно-исторические системы являются сложными, нелинейными, целенаправленными, динамическими, многоуровневыми и т. д. Предлагаются различные иерархии, выраженные вербально и графически. Рассматриваются законы полярности и дуализма мира, преемственности и подобия, причинно-следственной связи, цикличности, альтернативности.

В поисках хазарских городов

Мнение о существовании в Хазарском каганате *городов* (множественное число!) исподволь складывалось десятилетиями и стало чуть ли не аксиомой, проникшей даже в учебники (История евреев... 2005. С. 8). Так ли это?

Подойти к решению проблемы города в Хазарии позволяет строгое рассмотрение археологического материала в поиске того, могут ли некоторые археологические памятники каганата претендовать на определение «город». В самом общем виде программа исследований может быть сформулирована так: *город или что-то иное*.

Для Хазарии она может выполняться на основе планов поселений, размеров и объёма фортификационных сооружений, конструкции построек.

Вопрос об отделении ремесла от сельского хозяйства для каганата не стоит. Его ремесленники-профессионалы были рассредоточены в массе земледельцев и скотоводов. Структурированных поселений ремесленников, полностью оторванных от занятий сельским хозяйством, Хазария не знает. Есть места сосредоточения нескольких гончарных мастерских, как, например, Канцерка или «гончарная слобода» Маяцкого поселения. Но называть их «ремесленными центрами» невозможно. Работа в них была сезонной, в климате лесостепи она и не могла быть другой. Такой же сезонной была и выплавка железа в районе Ютановского городища и других местах. Безусловно, существовала категория бродячих мастеров в ремеслах, требовавших специальных навыков и инструментария, как ювелиры, кузнецы или косторезы (Флёрова В.Е. 2001a) и др. В данной работе тема ремесла в Хазарском каганате не рассматривается. Детально её можно изучать по раскопкам поселений.

Тут уместно напомнить, что всегда существует соблазн, который очень часто реализуется в археологии: причислять к городам «большие» памятники, скажем, больше средних по площади поселения в данной археологической культуре. Путь весьма ненадёжный, особенно в отношении поселений и городищ неисследованных или с небольшим процентом вскрытых площадей.

* * *

М.И. Артамонов и его ученик И.И. Ляпушкин, заложившие основы современной салтово-маяцкой археологии, к социологическим вопросам поселений не обращались.

Проблема «город Хазарии» внедрена в археологическое хазароведение С.А. Плетнёвой, о чём заявлено в названии её книги «От кочевий к городам», в которой выделен раздел «Города». Название отражает прямолинейную схему развития каганата в указанном направлении, что неоднократно вызывало критику (Степанов Ц. 2002. С. 25). Тогда автор отнесла к ним Итиль, Саркел, Семикаракоры, Семендер, упомянуты «остальные неизученные» (Плетнёва С.А. 1967. С. 44–48).

Спустя двадцатилетие появляется обзорная статья С.А.Плетнёвой «Города кочевников» (Плетнёва С.А. 1987)? посвященная в основном генезису указанных объектов. Археологический материал в ней занимает второстепенное место. О каганате сказано немного. Теоретическая основа статьи прежняя – «от кочевий к городам». Поэтому не удивляет вывод о появлении городов у кочевников «только на высшей стадии их экономического и социального развития – на третьей стадии (полуоседлости)» (Там же. С. 204, 205). В качестве примера приводится Итиль, который был *зимником* кагана, в то время как основное население было уже *оседлым и земледельческим*. В связи с этим напрашивается перестановка акцентов. Экономику Итиля определяли всё-таки не традиции кагана, но основное производящее население, оседлое и земледельческое. Отсюда возникает вопрос о правомерности самого

словосочетания «города кочевников». Это попытка соединить антиподы. Либо кочевники, либо города с постоянным населением, для которого и третья стадия кочевания – пройденный этап. Другое дело, что тенденции к оседанию проявлялись исподволь раньше.

Тезис С.А. Плетнёвой о том, что «первым вариантом образования степных городов было активное заселение окружающей *замок* территории и превращение её в ремесленный посад», вызывает у меня принципиальное возражение. Процесс при нормальных внешних условиях шёл в прямо противоположном направлении. Сами «замки» вождей возникали в опробованных местах, там, где ранее уже проявилась оседлость, существовало постоянное население. Миниатюрные «замки» не могли возникать в *безлюдной* степи. Концентрация населения была непременным фактором безопасности их существования. В археологическом плане это означает, что рядом с любой крепостью, каменной или кирпичной, или в округе следует ожидать открытия более ранних поселений. Проверить мою версию можно при одновременных раскопках крепостей и соседних поселений, сравнивая датирующие (или дающие относительную дату) материалы.

Лишь в пограничных зонах крепости могли по необходимости ставиться в незаселённых местах, но это уже не «замки феодалов»³, а оборонительные пункты государственного образования или местного вождя (к теме замков я вернусь в разделе о Правобережном Цимлянском городище). Становление пограничной крепости тоже требовало привлечения большого числа населения как рабочей силы для строительства, защиты, обслуживания и постоянно как производителя сельхозпродукции. Однако концентрация населения около крепости не означает, что возник «город». Забегая вперёд, отмечу, что таким объектом с некоторыми натяжками мог быть только Итиль. Всё-таки не случайно раздел об Итиле Б.Н. Заходер назвал «*Зачатки городской жизни*» (Заходер Б.Н. 1962. С. 167).

В 2002 г. выходит ещё одна статья С.А. Плетнёвой по проблеме городов в Хазарии. В ней исследовательница начала отказываться от прямолинейных решений (Плетнёва С.А. 2002). Комментировать её из-за многих противоречий очень сложно. В ней можно усмотреть попытку, хотя очень непоследовательную, пересмотра прежних взглядов автора. Обращают на себя внимание нюансы. Так, статья снабжена подзаголовком «К постановке проблемы», хотя именно сама исследовательница, дважды подчеркнувшая свой приоритет, поставила проблему уже более сорока лет назад, а отнюдь не «впервые». Выделяя интересующие нас более всего степные памятники, собственно салтово-маяцкие, С.А. Плетнёва предлагает неустойчивые характеристики памятников, проявляя в них заметные колебания. Не случайно она допускает возражения своим выводам. Показательна фраза «...некоторые памятники, привычно считавшиеся в археологической науке городами, таковыми вряд ли являются» (Там же. С. 123). Но «привычно» можно было отнести только к немногим археологам, но не к археологической науке вообще.

Заметна неустойчивость и в терминологии. Такие определения, как «провинциальный пограничный *городок*», «небольшой *городок*» и аналогичные, не помогают решению проблем. Предваряя описание «поселений» Верхнесалтовского, Маяки, Малого Сидоровского, Ютановского, Маяцкого, С.А. Плетнёва определяет их как «города?», но в дальнейшем знак вопроса исчезает.

В качестве второго типа городов С.А. Плетнёва впервые выделяет *степной*. Собственно степные Саркел и Семикаракоры ею из разряда городов исключены, с чем, впрочем, я полностью согласен.

Автор по-прежнему полагает, что «степные города» Хазарии выросли из «ставок (стойбищ) богатейших аристократов». В этом её позиция неизменна, хотя археологически это не

³ С.А. Плетнёва часто использовала определения «замки», «феодалы». Надо учитывать, что к Хазарскому каганату они применимы условно.

подтверждено ничем. В качестве примера исследовательница называет ненайденный Итиль, что, разумеется, доказательством служить никак не может. Доказательства надо искать не в теории, не в наших «соображениях», а в полевой практике. Прежде всего необходимо встретить соответствующую стратиграфическую ситуацию, минимум двухслойную. Но как отличить слой обычного поселения от слоя «стойбища кагана»? На современном уровне знаний салтово-маяцких поселений и хронологии керамики это практически невыполнимая задача.

* * *

Непосредственно систематизацией критериев «городов» Хазарского каганата никто серьёзно не занимался. Мне удалось найти лишь одну публикацию на эту тему: тезисы В.А. Катунина (Харьков). Несмотря на обещающее название, она разочаровывает (Катунин В.А. 2000. С. 187, 188). Автор предложил для выделения городов Хазарии просто использовать «разработанные А.В. Кузой для древнерусских городов» критерии. Такой перенос признаков памятников из одной культурной среды в иную принципиально неприемлем. Неудивительно, что автор вынужден из списка А.В. Кузы исключить монументальное зодчество и тип городской застройки. Катунин не остановился на Хазарии, но пошел далее, предлагая распространить систему А.В. Кузы на Волжскую Болгарию, Иран, Византию и даже Западную Европу. Как я попытаюсь показать в заключении очерка, самим хазароведам необходимо досконально изучать вековой опыт западной и восточной медиевистики по проблеме города.

В предлагаемом ниже обзоре рассматриваются городища, в основном с каменной и кирпичной фортификацией, бассейна Дона с его главным притоком Северским Донцом – территория, где культура Хазарского каганата, салтово-маяцкая, сложилась и в дальнейшем развивалась в чистом виде. Именно для этого региона и необходимо решать вопрос о «городах» Хазарии. Но привлечены и памятники соседних регионов, Крыма, Дагестана, Чечни, для которых чаще всего можно встретить определение «города Хазарии», что далеко не так.

* * *

Археология в рассмотрении поселений даёт большие преимущества в сравнении с письменными традициями. Предмет её изучения достаточно конкретен, источники практически неисчерпаемы. Следует учитывать и то, что на планы, фортификацию и постройки раскапываемых поселений проецируются конкретные предметы древнего обихода.

В подходе к хазарским «городам» особо выделяю два признака. При этом под «хазарскими» подразумеваются исключительно памятники в бассейне Дона и, возможно, Итиль. Речь идёт о городищах, возведённых самим населением каганата, а не наследованных от предшествующих эпох.

1. Архитектурно-планировочный облик. При обращении к памятникам любой древней культуры его исключать невозможно. Он материально (до визуальности), *археологически* отличает город от села/деревни. В нём отражаются социальная структура городского населения, его состав и организация. Всё-таки облик поселения как *города* (не села!) определяли не жилища знати/ аристократов, не культовые строения, а тип и структура расположения жилищ горожан с их образом жизни и занятиями. Даже при наличии письменных источников только археология во всей полноте даёт представление о плане и архитектуре древнего города. Город без рядового городского населения – это нонсенс. Не буду развивать эту многократно обсуждавшуюся тему. За нею встаёт не менее сложный вопрос о функции того или иного поселения, которому присваивается название «город», о городах-крепостях

и т. д. Здесь теория города должна неразрывно сочетаться с конкретикой исследуемых поселений и общества, к которым они принадлежали.

2. Структура. Как ни странно, признак не однозначен. Нет ясности, что включать в состав «города», только ли городища или вместе с ними и прилегающие открытые поселения. Появляется большой соблазн начать некоторые игры с термином «посад».

Ниже я коснусь лишь некоторых археологических памятников исключительно с целью показать состояние проблемы «существовали ли в Хазарии города?». Будут упоминаться преимущественно те же археологические памятники, что и в статье С.А. Плетнёвой (2002). Все они известны по многим публикациям. Поэтому я предельно ограничу ссылки на издания. Это преимущественно памятники с кирпичной или каменной фортификацией. Обращение к некоторым городищам с валами (Сидоровское, Андрей-аул, Маяки) спровоцировано другими авторами, представляющими их остатками городов.

Бассейн Дона – Северского Донца

Саркел-Белая Вежа

М.И. Артамонов о Саркеле

С.А. Плетнёва пишет, что в 30-е гг. М.И. Артамонов «утверждал», среди прочего, что «в первой половине X в. Саркел был уже городом, о чём свидетельствуют остатки ремесленных мастерских» (Плетнёва С.А. 1996. С. 6). М.И. Артамонов не только не «утверждал» этого, но и никогда не занимался теоретическим вопросом, является ли Саркел городом (Рис. 1, 2). В археологических разделах своих трудов М.И. Артамонов избегал поверхностного теоретизирования, предпочитая анализировать непосредственно источники. Только в связи с сообщением Константина Багрянородного он дважды употребил термин «город». Типичное выражение М.И. Артамонова – «*городище*», не только для Саркела, но и для Правобережного Цимлянского, Потайновского и других. Характерные же для Саркела – «кирпичная крепость» или «крепость» (Артамонов М.И. 1935. С. 81–85 и сл.). Гораздо более показательна итоговая статья М.И. Артамонова, в которой Саркел недвусмысленно назван крепостью (Артамонов М.И., 1958. С. и, 48).

Илл 1. Саркел. Общий план крепости

Илл. 2. Раскопки Саркела. Аэрофотоснимок, 1951 г.

Уровень развития ремесла в Саркеле ничем не отличался от общего для каганата. М.И. Артамонов упоминает несколько гончарных печей и косторезное дело. Что касается мастерских, на которые ссылается С.А. Плетьева, то известна одна (!): «Несомненных следов металлургического производства в хазарском слое Саркела не найдено, за исключением одной кузницы...» (Артамонов М.И. 1958. С. 39–43)–

Белую Вежу, т. е. Саркел русского этапа, М.И. Артамонов действительно называл городом и в последних работах, явно в соответствии с ситуацией своего времени. Но в 1934 г. он отмечал, как неверно оценённые результаты раскопок, проведённых в течение нескольких дней, способствовали «возвеличиванию» Белой Вежи. «...Произведённые здесь (на городище. – В.Ф.) Сизовым и Веселовским раскопки дали крайне неотчётливый материал, среди которого наиболее заметное положение заняли вещи русского происхождения, в связи с чем *явилась тенденция рассматривать Цимлянское городище как русский город, как форпост русской культуры* в её распространении к Востоку для одних, или же даже, как указание на глубокую древность русского населения на Дону и движения его на запад для других» (в: Медведенко Н.А. 2006. С. 122).

То, какие разные определения давал М.И. Артамонов в разное время Саркелу и Белой Веже, хорошо прослеживается по архивным материалам, опубликованным в книге Н.А. Медведенко. При том что в ранних заметках по отношению к Саркелу можно встретить и «город», и «крепость», медленная трансформация в сторону «крепости» очевидна. До и после раскопок 1934 г. Артамонов прямо говорит о *городе* Саркеле (в: Медведенко Н.А. 2006. С. 119, 122), но тогда же появляется и двоякое «*город-крепость*» (Там же. С. 124). Однако уже в 1935 г. после двух сезонов раскопок встречаем более ясную формулировку: «Можно говорить, что это действительно было *укрепление*, которое *превратилось в город, в ремесленный центр в русскую эпоху*». Знаменательно завершение: «Но для меня Саркел интересен только до этого момента» (Там же. С. 127). Объявить год спустя отсутствие интереса к русскому городу было бы небезопасно, тем более в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в.

В 1949 г. в тезисах к выступлению на Пленуме ИИМК Белая Вежа названа «городом», а её могильник «городским кладбищем», но в тезисах 1950 г. «кладбище» лишь дополняет данные «*городища*» (в: Медведенко Н.А. 2006. С. 134, 135). И тем не менее Белую Вежу в итоге он относит к специфическим «пограничным *городам-крепостям*» (Артамонов М.И. 1958. С. 56).

Особенностью Белой Вежи была её территориальная удалённость от собственно русских земель. Отсюда необходимость самообеспечения продуктами как ремесла, так и сельского хозяйства. Последнее же «было необходимым условием развития всех других, уже собственно городских видов хозяйственной деятельности» (Артамонов М.И. 1958. С. 65).

Не в укор М.И. Артамонову замечу, что несколько завышенную им оценку ремесла беловежцев надо объяснять опять-таки политическими особенностями времени, в которое писалась статья. Но, декларировав в тезисах к Пленуму ИИМК 1952 г. (время борьбы с космополитизмом) обнаружение «*многочисленных ремесленных мастерских русского периода*», назвать он смог всего две – кузницу и мастерскую по обработке янтаря (в: Медведенко Н.А. 2006. С. 136). После известной публикации в газете «Правда», по сути отстояв все свои основные позиции на заседании Ученого совета ЛГУ, М.И. Артамонов обязан был произвести: «Материалы, полученные раскопками Саркела-Белой Вежи, убедительно свидетельствуют о превосходстве русской славянской культуры над предшествующей хазарской». А по-другому сравнивать в той конкретной ненормальной политической ситуации культуры славянскую и салтово-маяцкую было немыслимо. Любопытно, что уже в 1958 г. он замечает, что и эта кузница возникла, кажется, в хазарское время (Артамонов М.И. 1958. С. 43). Невозможно представить, что *археолог* Артамонов не видел несравнимо более высокий уровень материальной культуры Хазарского каганата во всех её проявлениях.

Сегодня известно, что в выработке черных металлов и изделий из них каганат опередил славян даже хронологически, а в гончарном ремесле превосходил во все века своего существования. Да и в целом салтово-маяцкая культура несравнимо выше культур соседних славянских племён, в частности боршевской.

В итоге, оценивая сегодня высказывания М.И. Артамонова о Саркеле, как и о Белой Веже, надо постоянно помнить, что в его время проблема «город в Хазарском каганате» во всей её полноте не стояла. Само собой подразумевалось, что города в Хазарии были, как известные по именам, так и ещё не найденные. Что касается «замка», Правобережного Цимлянского, то такое определение возникло по иной причине. Правобережная крепость рассматривалась им в русле противостояния местных «феодалных образований» и центральной власти (в: Медведенко Н.А. 2006. С. 121), а где речь заходила о феодализме, там появлялся и «замок» – укрепление феодала, как аллюзия Западной Европы. Но тему феодализма в Хазарии М.И. Артамонов в своих исследованиях глубоко не затрагивал. В течение всей творческой жизни изучая Хазарский каганат во всех его иных проявлениях, он подытожил: «Не следует забывать, что Хазарское государство было первым, хотя и примитивным, феодальным образованием Восточной Европы, сложившимся на местной варварской основе, не прошедшей через рабовладельческую формацию» (Артамонов М.И. 1962. С. 37). «Государство, феодальное», но при этом, обратим внимание, – *примитивное образование*. «Образование» – что-то неопределённое, аморфное, неустойчивое. Обращаясь к творческому наследию М.И. Артамонова, необходимо учитывать, когда и по какому случаю дано то или иное заключение. Многие археологические представления и высказывания раннего М.И. Артамонова сегодня имеют лишь историографический интерес, но знать их необходимо, чтобы понимать, как складывались не только его поздние взгляды, но и положения современного хазароведения, в том числе и ошибочные.

«Саркел и “Шёлковый путь”»

Это программное название носит книга С.А. Плетнёвой, требующая отдельного и детального рассмотрения по многим вопросам (Плетнёва С.А. 1996), что выходит за рамки нашей темы.

Трактовке Саркела как «перевалочного пункта (на северном ответвлении Великого шёлкового пути. – В.Ф.) и крупнейшей таможни в стране» (Там же. С. 150) противоречит констатация в заключительном разделе книги: «Высказанные гипотезы об экспорте⁴ в Саркеле и через Саркел в IX в. основаны на *крайне небольшом количестве конкретных материалов* на памятниках. *Что же касается прямой связи Саркела с «шелковым путём», то их по существу нет*» (Там же. С. 153; выделено мною. – В.Ф.). К этому приходится добавлять, что реконструкция двух отсеков крепости как «караван-сарая» построена на серии предположений. «Сохранность всех помещений очень плохая», – отмечает автор. Другими словами, сам археологический источник ненадёжен, отсюда выделение «гостиничного комплекса», двухэтажность зданий и трактовку каждого помещения (Там же. С. 35–56) принять не представляется возможным. Впрочем, ещё М.И. Артамонов, ориентируясь на толщину стен и допуская, что здания могли быть двухэтажными, объективно подчеркнул, что «никаких следов вторых этажей, хотя бы в виде остатков лестниц, которые вели наверх, не сохранилось» (Артамонов М.И. 1958. С. 18).

⁴ Вероятно, не экспорте, а импорте, так как далее речь идёт об «импортных», т. е. привозных, предметах: согдийской фигурке слона и самаркандской бумаге. О малочисленности восточных импортов в каганате см.: Равич И.Г., Флёров В.С. 2000.

Было бы некорректно с моей стороны умолчать, что и М.И. Артамонов в тезисах по итогам раскопок 1950 г. упомянул здание «типа караван-сарая» (в: Медведев Н.А., 2006. С. 134), но затем к этой версии не возвращался никогда.

В связи с проблемой «караван-сарая» отвечу на небольшую реплику Ф.Х. Гутнова на мою совместную с ИХ Равич публикацию по поводу случайного, не в качестве товара, попадания в Саркел шахматной фигурки и бумаги среднеазиатского происхождения, а в погребение у Большой Орловки – восточного блюда. Наше сомнение в регулярных торговых связях с Востоком, если угодно, по ответвлению Шелкового пути, ввиду недостатка археологических подтверждений, Ф.Х. Гутнов назвал «излишне принципиальным подходом». Приходится заметить: принципиальность не имеет степеней (не может быть излишней или недостаточной). Не будем, однако, придирается к неудачному выражению, но нельзя не считаться с тем, что Саркел (Левобережное Цимлянское городище), как и соседнее Правобережное Цимлянское городище, раскопки которого ныне возобновились, не дают оснований для противоположного утверждения. Иное дело, что в культуре каганата и сопредельных территорий прослеживается много связей с культурой Средней Азии, в частности Согда (в поясных наборах, даже в прикладном искусстве – Флёрова В.Е. 20016), но это совершенно иное явление, требующее специального изучения. Возражая мне и И.Г. Равич, Ф.Х. Гутнов пишет: «Саркел первоначально представлял собой крепость, *специально* (выделено мною. – В.Ф.) построенную для размещения в ней караван-сарая для остановок проезжавших по Хазарии купеческих караванов» (Гутнов Ф.Х. 2007. С. 247). Откуда такая уверенность? Ссылка на «дословный перевод» С.А. Плетнёвой топонима «Саркел» как «белая гостиница» не может быть принята. С.А. Плетнёва, кстати как и автор данных строк, не владела восточными языками. Напомню, *что* писал о переводе слова «саркел» Б.Н. Заходер: «История расшифровки этого названия настолько почтенна, что сама по себе может стать темой для очерка» (Заходер Б.Н. 1963. С. 192).

* * *

Саркел (Левобережное Цимлянское городище) – это кирпичная миниатюрная крепость, 178,6 x 117,8 м по внутреннему периметру. В жилищах нет ни малейших признаков, отличающих эти постройки от известных по сельским поселениям. Ничем не выделяется и материальная культура. Кирпичные помещения внутри крепости, на мой взгляд, вероятнее всего складские помещения, арсеналы. Для жилья они мало пригодны, особенно в зимнее время, так как для поддержания внутри них плюсовой температуры требовался бы большой расход топлива.

Раскопки не дали никаких оснований полагать главной функцией Саркела «торгово-таможенную деятельность», что приписывает ему С.А. Плетнёва. Процент находок импортных видов керамики (амфоры и др.) здесь не больше, чем на других памятниках Нижнего Дона. Заметим, что амфоры из Саркела имеют не восточное, а причерноморское происхождение, как и более редкие на Дону красноглиняные баклажки и эйнохои. Во всём облике культуры Саркела нет ничего, что позволяло бы говорить о *«сходстве»* этой крепости с городом» (Плетнёва С.А. 2002. С. п 8). В конечном итоге С.А. Плетнёва признаёт: «У нас нет данных говорить о том, что Саркел был городом» (Там же). Мало того, в заключительной главе книги в связи с дискуссией по известной формулировке «...и градъ ихъ и Белу Вежу взя...» С.А. Плетнёва прямо пишет о Саркеле как о «*посёлке, ещё даже не ставшем городом*» (Там же. С. 157). Казалось, это определение станет окончательным. В дальнейшем выясняется, что это не так.

В 2006 г. выходит новая книга С.А. Плетнёвой, посвящённая теперь беловежским слоям Левобережного Цимлянского городища. Буквально первыми словами введения к

книге значатся – «хазарский крепость-город Саркел» (Плетнёва С.А. 2006. С. 30; далее указываются только страницы). Затем следуют определения «небольшой город» (С. 5), «сравнительно небольшая крепость» (С. 8), «городок» (С. 11). В посвященной непосредственно Саркелу первой главе преобладает определение «крепость», при этом автор напомнила, что каган и пех просили Феофила о помощи в постройке именно *крепости* (С. 13). Сохраняется и прежняя версия о «караван-сараях» (С. 17 и др.). В третьей главе говорится о «существовании Саркела, как крепости, а затем городка» (С. 36). И, наконец, в завершающей главе («Вместо заключения») на с. 236 наряду с «городом-крепостью» трижды твёрдо повторено «город».

Нетрудно видеть, что в характеристике Саркела С.А. Плетнёва постоянно колеблется. Когда возобладал опыт исследователя-археолога, она не могла не признать, что говорить о Саркеле как городе нет оснований. Но в большей части определений проявляется стремление несколько «возвысить» Саркел, изучению материалов раскопок которого она посвятила много сил, проведя его по ступеням от «сравнительно небольшой крепости» к «крепости», от «посёлка» к «небольшому городку» и через «город-крепость» уже к «городу».

Позволю себе, может быть, не совсем уместный приём: попробуем мысленно убрать окружающие Саркел стены и его четырёхчастное деление. Останется не очень большое поселение, во много раз уступающее, скажем, исследованному руководимой С.А. Плетнёвой экспедицией Маяцкому поселению.

Вся суть Саркела в назначении его как крепости, в его кирпичных мощных стенах и башнях.

В связи со взятием войском Святослава «и града их и Белой вежи». В данном случае для нас не имеет значения, относится «град» к Итилю или Саркелу (Артамонов М.И. 1962. С. 426). Любопытен этот небольшой фрагмент из летописания в другом отношении – косвенно он указывает на впечатление славян от Саркела и Итиля. Никак иначе как «градами» они и не могли воспринимать великолепный кирпичный с многочисленными башнями Саркел, а тем более Итиль с кирпичным «дворцом». Ничего подобного в середине X в. на Руси не было.

Белая Вежа

Обзор проблематики Белой Вежи не входит в задачи моего исследования, и я лишь выражу своё мнение по поводу определения её С.А. Плетнёвой как города. Не касаясь содержания книги, замечу, что это определение программное, так как вынесено в заголовок книги «Древнерусский город в кочевой степи». В этом читается явное противопоставление. С одной стороны, город, к тому же древнерусский, с другой – чужая, не-русская, кочевая степь.

По поводу «древнерусский город». Это можно воспринимать только в древнерусском понимании города – ограждённое стенами поселение. Позволю себе заметить, если кирпичный Саркел воспринимался славянами как город и как чудо строительной техники, то нам такая оценка непозволительна.

От «древнерусского» в захваченном славянами Саркеле ничего нет. Он не построен славянами. Ими он занят и в дальнейшем используется как опорный пункт, крепость, какой он и был изначально. Пришлось население осело в крепости, построенной отнюдь не в древнерусских традициях. С собою оно принесло лишь свою бытовую, «этнографическую» культуру.

Не была Белая Вежа городом и в социальном плане. Её население – это гарнизон с семьями и остававшееся немногочисленное местное население. У подножия стен не возник посад, а если точнее, о нём ничего не известно.

Не могу вслед за М.И. Артамоновым согласиться с выводами С.А. Плетнёвой о небрежном отношении нового гарнизона к крепостным стенам. Кирпичи для собственных нужд могли извлекаться из ветшавших внутренних строений. В целом же на основе архео-

логических данных вопрос просто не решаем, так как стены и башни были уничтожены в конце XIX в. Но то, что они сохранялись до этого времени, как раз свидетельствует против их разрушения во времена существования Белой Вежи. Предположение о разрушении стен в беловежское время противоречит другому предположению С.А. Плетнёвой – о сооружении беловежцами большого (второго) «рва».

Сам «ров», однако, приводит нас к иной проблеме, которой она посвятила большой раздел книги (Плетнёва С.А. 2006. С. 121–128): действительно ли это ров? Остаётся необъяснённым, почему всё-таки грунт из рва вывозили на 50–100 м на внешнюю (!) сторону вместо того, чтобы использовать его сразу на сооружение вала. С учетом этого и того, что дата сооружения «рва» неизвестна, а на охваченной им территории нет никаких культурных остатков, я всё-таки склонен видеть в этом объекте не ров, а естественную протоку. Вероятно, образованный ею и руслом Дона островок и был признан удобным местом для строительства Саркела (на большом естественном острове в пойме левобережья Дона стояла на берегу протоки Семикаракорская крепость; два оврага, впадавшие в долину Дона, обороняли Правобережную Цимлянскую крепость). Протока была естественным препятствием на подходе к крепости, но отнюдь не непреодолимым. Добавлю, что сама автор отметила, что аналогов беловежскому «рву» на Руси нет. Для более достоверного решения дилеммы «ров или протока» должны быть привлечены детальные карты местности вокруг Саркела до образования водохранилища со всей сетью протоков⁵. Наконец, должен обратить внимание на то, что всё левобережье Дона от излучины до Азовского моря – это громадная полоса протоков, ериков, пересохших и действующих поныне. Должен признаться, что у меня нет уверенности, что и малый ров у стен Саркела не был естественной протокой, может быть с подработанными (эскарпированными) берегами.

Об уличной планировке в Саркеле

Я обращаюсь к более ранней, чем книга, статье С.А. Плетнёвой не с точки зрения выводов, а хочу обратить внимание на систему доказательств, применённых в ней (Артамонова О.А., Плетнёва С.А. 1998⁶). Подводя итоги разделу о слоях Белой Вежи, С.А. Плетнёва пишет: «Размещение жилых домиков на раскопанной площади (цитадели. – В.Ф.) *несомненно* подчинено определённому порядку – рядами»... «Выявленная рядность охватывает, к сожалению, *только 16 построек* в полуплустах. Размещение остальных представляется беспорядочным». Остановимся. С одной стороны – «*несомненно*», с другой – незначительность выборки и беспорядочность остальных. Продолжим: «Разбросанные вокруг рядов остатки синхронных построек, погребов и ям *затрудняют выявление проездов (дорог) вдоль них, т. е. возможности предположить* наличие уличной планировки». Ситуация, кажется, ясна: из-за плохой сохранности слоя решение вопроса об улицах затруднено, но тем более неожиданно читать следующее заключение. «Однако рядность и *вероятность* существования (или начала формирования) улиц *дают основание считать*, что Белая Вежа *превращалась* из поселения в город» (Там же, с. 599) – Но *вероятность* не может служить *основанием для выводов!* В последнее время об этом пишут многие авторы. Всё приведённое находится в разделе, название которого без всяких оговорок определяет концепцию автора: «Городская застройка».

Необходимо пояснить, откуда могла появиться «рядность» в цитадели Белой Вежи. Она стала следствием прямоугольного плана и миниатюрности цитадели – размером всего,

⁵ С Саркелом – Белой Вежей связано много нерешенных проблем, а сам памятник остался недоисследованным. Я уверен, когда-то он станет доступен археологам для продолжения раскопок, в том числе на прилегающей территории.

⁶ Надо иметь в виду, что авторство О.А. Артамоновой номинально, так как вся статья написана С.А. Плетнёвой.

округляя, 55 x 65 м. Рядность в таких условиях не могла не появиться хотя бы в расположении первых строений без всякого стремления создать улицу, но затем и эта первоначальная упорядоченность нарушается. Впрочем, последнее заметила и сама С.А. Плетнёва.

* * *

История Белой Вежи – это в миниатюре история Тмутаракани. Последняя также была на некоторое время захвачена славянами, которые не оставили следов собственного монументального строительства, а на культуру города не оказали никакого влияния.

Не следует переоценивать значение Белой Вежи в истории Руси. Меня всегда занимало, каким образом маленькая Белая Вежа могла выживать в таком удалении от метрополии. Открытие последних лет намечает ответ на этот вопрос. В нескольких десятках километров северо-западнее Белой Вежи ростовский археолог Р.В. Прокофьев исследует у г. Белая Калитва на Северском Донце «древнерусское» поселение «Длинное», датируемое им XII–XIII вв. (Прокофьев Р.В. 2005). В какой мере оно современно Белой Веже, решать специалистам по хронологии керамики этого времени, жилища там пока неизвестны. Отмечу обращение автора к беловежским аналогам костяных изделий, а также упомянутые им салтово-маяцкие традиции в лощёной керамике. Таким образом, есть основания ожидать открытия на пути из Белой Вежи на Русь цепочки поселений, в том числе со славянской и древнерусской керамикой X – начала XII вв.

Как инженерное сооружение кирпичная крепость Саркела – инородный элемент, имплантированный в культуру каганата. В итоге образовался симбиоз византийской фортификации, уходящей корнями в римскую, и обычных для Хазарии примитивных жилищ-полужемлянок. Для выяснения структуры Саркела было бы гораздо важнее знать, что находилось на территории, охваченной рвом. С.А. Плетнёва пишет, что «саркельцы не селились вне стен крепости» (Там же), но именно этого мы не знаем, поскольку указанная территория осталась неисследованной.

Все силы Волго-Донской экспедиции были брошены на раскопки кирпичной крепости.

Как в отношении Саркела, так и в отношении Белой Вежи мнение С.А. Плетнёвой осталось неопределённым. То она «торгово-ремесленный посёлок» (как преемница Саркела) и «городок с синкретичной древнерусско-степной культурой» (1996. С. 157), то «древнерусский город».

По поводу культуры Белой Вежи. Вопрос очень важный для определения его социально-экономического статуса. Материальная культура Белой Вежи не сложилась в синкретичную, так как не произошло слияния культур разных этнических групп, её населявших. Прежде всего это видно по керамике. Белая Вежа не была котлом, в котором переваривались бы культуры разного происхождения, что как раз и должно быть одним из признаков города, каковым она всё-таки не стала.

Ошибочно считать изучение материалов раскопок Саркела – Белой Вежи завершённым. Оно должно быть продолжено без оглядки на существующие мнения. В первую очередь это относится к богатой керамической коллекции из собрания Государственного Эрмитажа, а также всему комплексу жилищ. В ещё большей степени необходимо новое изучение могильников Саркела – Белой Вежи.

* * *

В серии публикаций С.А. Ромашова об исторической географии Хазарского каганата одна посвящена его городам. Перечисляя «основные города» каганата, в их число Ромашов включает и «крупнейшую хазарскую крепость» Саркел (Ромашов С.А. 2004. С. 185). Отмечу

сразу, что проблему «что считать городом в Хазарии» автор не рассматривает, поскольку его интересует лишь вопрос локализации её населённых пунктов, упоминаемых в нарративных источниках. С этой точки зрения работа Ромашова не подлежит здесь критическому рассмотрению. Обратим внимание, однако, на некоторые несоответствия в позиции С.А. Ромашова по проблеме «город». Следовало бы более строго относиться к терминологии: либо «город», либо «крепость». Это не только формальное требование. Обойти это противоречие автор мог, остановившись на термине «населённые пункты», с которого и начинается его статья (см. ниже определение Итиля Б.Н. Заходером). В другом месте публикации, вероятно, в невольной попытке обойти противоречие Ромашов называет Саркел «городом-крепостью» (Там же, с. 216).

Нельзя не отметить и уже ставшую «штампом» в историографии особенность: из нижнедонских крепостей обращать внимание только на Саркел.

Пример С.А. Ромашова типичен почти для всех историков каганата – исключать из истории каганата неоднократно упоминаемые в литературе от Х.И. Попова, В.И. Сизова до М.И. Артамонова и С.А. Плетнёвой не менее крупные крепости: например, Правобережную Цимлянскую. Значительно превосходила Саркел по площади Семикаракорская крепость, а совершенно недавно открыта Камышевская белокаменная крепость. Игнорирование (или незнание) этих археологических памятников привело к тому, что, касаясь традиционного вопроса «против кого построен Саркел?», С.А. Ромашов как на само собою разумеющееся указывает на венгров. В таком случае мы должны поставить вопрос, против кого построены перечисленные нижнедонские крепости, и ответ в отношении Саркела окажется не столь очевидным. Или вся цепочка нижнедонских крепостей также построена против венгров?

А.Н. Поляк о двух Саркелах

В написанной до 1967 г., но тогда не изданной статье А.Н. Поляка есть небольшой раздел, в котором автор касается давней проблемы местоположения Саркела. Об этом не стоило бы упоминать, если бы статья не была опубликована совершенно недавно. Используя данные металлической карты XV в. из Ватикана и карты XVII в. Гондиуса, А.Н. Поляк предлагал следующее: «...Не следует ли считать, что два мнения, имеющиеся в русской и советской науке о местоположении Саркела (на Дону, у волока, и на Дону, у станицы Цимлянской), скорее дополняют друг друга, нежели противоречат одно другому? Город Саркел был на волоке. Если выстроенная хазарами в IX в. (с византийской технической помощью) крепость входила в состав Саркельской земли (или охраняла подступы к городу Саркелу) (везде разрядка моя. – В.Ф.), то её могли назвать по имени Саркела (а тем более за рубежом, в Византии)... Она должна была иметь и своё особое название, хотя бы менее известное тогда за пределами данных земель» (Поляк А.Н. 2001. С. 95).

Заранее предостерегу от соблазнительной попытки связать версию о двух Саркелах с известным сообщением Повести временных лет о взятии Святославом Белой Вежи и города.

Переволока должна находиться на территории современной Волгоградской области. Последняя в археологическом плане обследована достаточно хорошо, но следы «города», т. е. значительного по площади археологического памятника хазарского времени, в месте сближения Дона и Волги к 60-м гг. прошлого века не находили (как и сегодня). Наверняка зная об этом, А.Н. Поляк полагал, что в результате запустения степей в период упадка Золотой Орды предполагаемый город Саркел превратился в «город-призрак».

О будущих раскопках Саркела-Белой Вежи

Постановка вопроса об этом только на первый взгляд кажется невероятной. Цимлянское водохранилище безостановочно расширяется, разрушая свои берега, уничтожая не только памятники археологии (гибнет Правобережное Цимлянское городище), но и современные населённые пункты, пахотные земли. Одновременно оно мелеет, стареет подпорная плотина Цимлянского гидроузла. Перспективы на ближайшие десятилетия те же, что были просчитаны ещё тридцать(!) лет назад (Цимлянское... водохранилища, 1977– Рис 72). Водохранилище превратилось в зону экологического, народнохозяйственного и археологического бедствия. Неизбежно рано или поздно встанет вопрос о преобразовании или ликвидации водохранилища. Вот тогда-то и появится возможность, расчистив над Саркелом донные наносы, продолжить исследования не только крепости, но и территории внутри большого вала, могильников в насыпях. Безусловно, многое из ныне спорного прояснится.

* * *

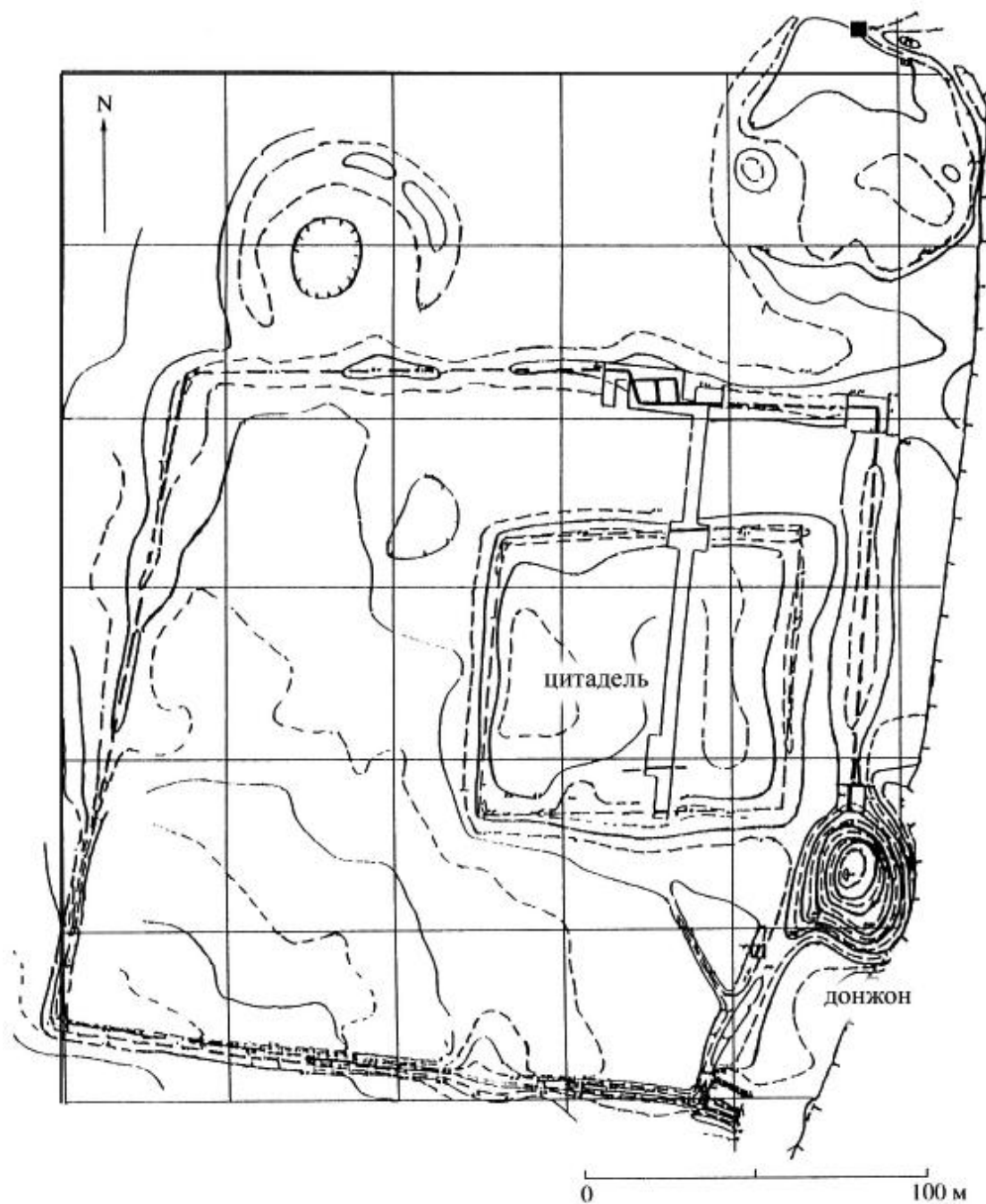
В связи с темой Саркела вынужден упомянуть попытку автора из Ростова-на-Дону П.А. Ларенка возродить старую версию о том, что под Саркелом следует понимать не только Левобережное Цимлянское городище, но и Правобережное Цимлянское. С открытием же рядом с Правобережным ещё одного, Камышино⁷, в этот «город» включено и оно (Ларенок П.А., Семёнов А.И. 1999. С. 31, 32). В сети Интернета на сайте коммерческой организации «Донское археологическое общество» (25.11.2003), возглавляемой П.А. Ларенком, эта «идея» оформлена следующим образом: «На степных просторах Нижнего Дона... существовал огромный по средневековым меркам город, имевший сложную систему укрепления и несколько частей, выполнявших различные функции. Здесь была торгово-ремесленная часть (Левобережное городище...), и укрепленный военно-феодальный замок (Правобережное Цимлянское городище), и, как можно предположить из скромных по площади раскопок Саркела-3, политико-административная часть, а возможно, и одна из многочисленных резиденций хазарского кагана». Ничего не остаётся, как удивляться смелости фантазии автора.

⁷ А.И. Семёнов и П.А. Ларенок назвали его «Саркел-3». О неприемлемости такого наименования, вносящего путаницу в номенклатуру цимлянских городищ, я уже писал (Флёрв В.С. 2002. С. 161). Вместо этого я предложил называть этот памятник Камышевское (или Камышино) по названию соседней балки.

Семикаракоры

Как единственный на сегодня археолог, проводивший раскопки на Семикаракорском городище, могу констатировать, что данных, которые позволили бы ставить вопрос об этом памятнике как остатках города, не обнаружено (Флёров В.С. 2001, 2009а, 2009б). Размеры крепости, сложенной из сырцового кирпича, невелики (хотя она и превосходит Саркел) – 200 х 215 м (рис. 3, 4). Сам я никогда не писал о возможности видеть в Семикаракорах город. В своё время С.А. Плетнёва писала о Саркеле и Семикаракорах как о «крепостях-городах» (Степи Евразии. 1981. С. 67). Позднее она от определения «город» отказалась (Плетнёва С.А. 2002. С. 118).

В целом же структура Семикаракорского комплекса на сегодня не выяснена. За пределами крепости у её юго-западного угла собрана керамика, что указывает на возможность существования рядом с крепостью открытого поселения. Однако называть такое поселение «посадом» или «рабадом» (Плетнёва С.А. 2002. С. 118) ни в коей мере нельзя, поскольку в целом, как уже сказано, нет ни малейших оснований видеть в Семикаракорах город. То же самое касается и Саркела, для которого С.А. Плетнёва поднимает вопрос о посадке (Там же).

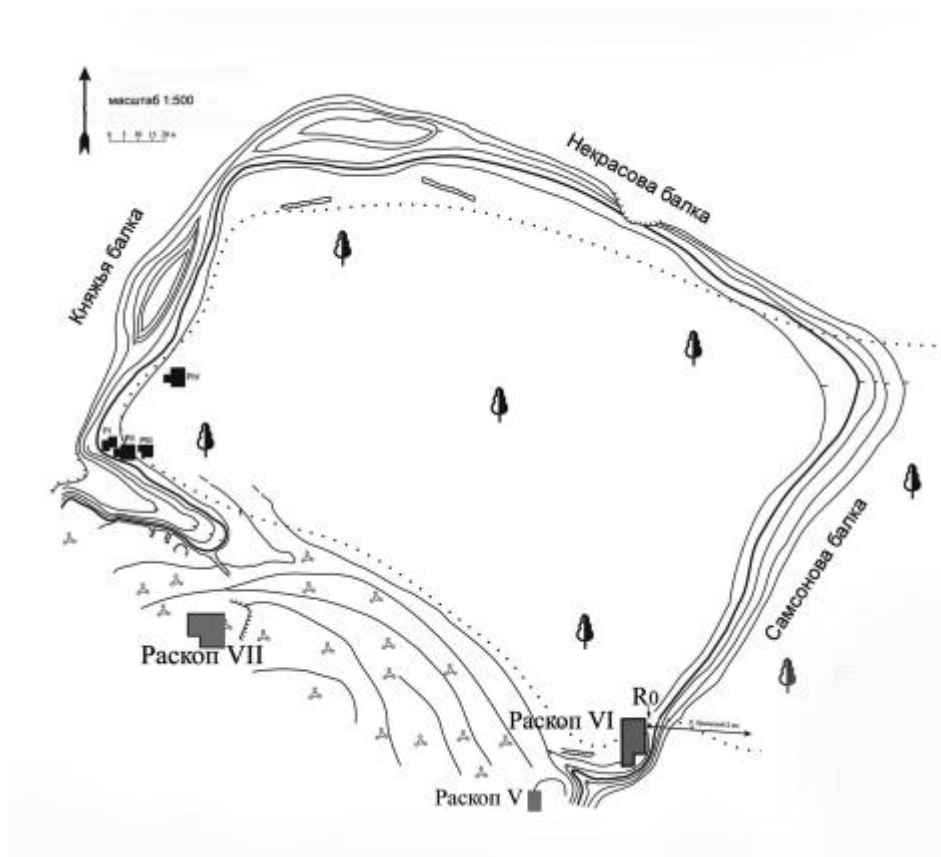

Илл. 3. Семикаракорское городище. План В. С. Флёрова, 1971

В цитадели Семикаракорской крепости были постройки из кирпича, крытые черепицей. Их размеры и планы пока неизвестны. Само существование кирпичных сооружений – единственный признак, позволяющий предполагать, что крепость могла быть одной из ставок кагана, но не городом.

Илл. 4. Семикаракорское городище. Баиня на северной стене крепости. Раскопки В. С. Флёрова, 1973 г.

Илл. 5. Крымское городище (по: Иванов А.А. 2010)

Одно замечание, выходящее за рамки темы. С.А. Плетнёва пишет, что в отличие от Саркела Семикаракорская крепость построена «по местным традициям», явно имея в виду

преобладание на Семикаракорах сырцового кирпича, что якобы повлияло на качество строительства. В другой публикации С.А. Плетнёва пишет о местных традициях в Саркеле (Плетнёва С.А. 2003. С. 68). Вероятно, автор не определила для себя, что всё-таки считать местными традициями в кирпичном строительстве на Нижнем Дону. Для более чётких выводов С.А. Плетнёва не располагала данными. Сегодня мы такими данными располагаем уже в значительном объёме (Токаренко С.Ф. 2009; Флёров В.С. 2009а, 2009б).

Саркел и Семикаракоры – не единственные значительные памятники Хазарского каганата в степях Нижнего Дона, однако ни один из известных не может быть определён как город, в том числе и обширный Крымский археологический комплекс с земляным городищем (рис. 5), расположенный невдалеке от Семикаракорской крепости, в устье Северского Донца (Иванов А.А. 2010).

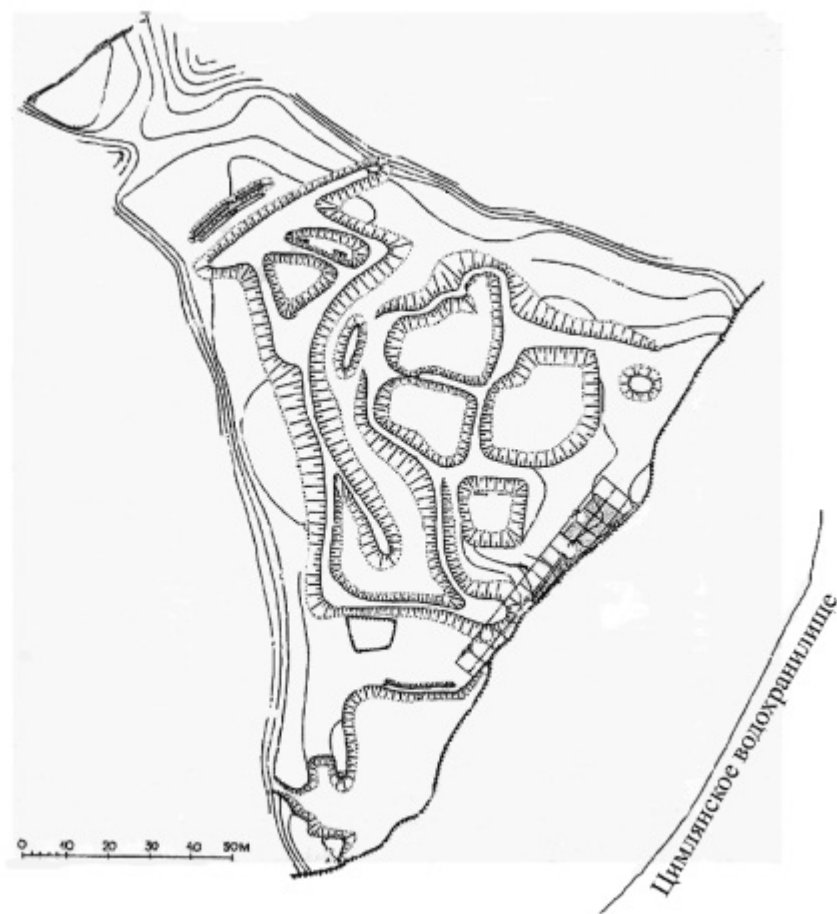
Правобережная цимлянская крепость и проблема феодального замка

Материалы раскопок И.И. Ляпушкина, С.А. Плетнёвой, В.С. Флёрова до 1990 г. на Правобережном Цимлянском городище опубликованы, нет смысла их повторять.

Правобережная Цимлянская – самая совершенная из всех белокаменных крепостей каганата (рис. 6).

Крепостные стены толщиной 4,20 м, как и восемь башен, поставлены на прочное и надёжное основание из плит ракушечника и песчаника (рис. 7). Внутреннее пространство крепости поделено на три отсека более тонкими стенами. Облик квадратного здания (башни?) у прохода из основного северного отсека крепости в южный (упоминалось В.И. Сизовым) остался не ясен. Оно хорошо видно на плане И. Сацыперова (рис. 8) (Флёров В.С. 1996. С Ю1, рис i: 1).

Самым ярким и неожиданным стало открытие следующего. Стены и башни, вероятно только лицевые фасы в отдельных местах и до определённого уровня, были покрыты великолепной по исполнению и отполированной до блеска белой штукатуркой. Мало того, в других местах блоки стен (не везде и только до определённого уровня?) были оконтурены раствором, покрытым тонкой полосой красной краски (охрой). В итоге крепость имела чрезвычайно живописный вид, что совершенно не вяжется с примитивной «архитектурой» внутри крепости: в отличие от почти не застроенной Маяцкой, Правобережная оказалась сплошь занята юртообразными жилищами.

Илл. 6. Правобережное Цимлянское городище. План В. С. Флёрова

Илл. 7. Правобережное Цимлянское городище. Основание восточной стены крепости. Раскоп 7, 2009 г. Публикуется впервые

Илл. 8. Правобережное Цимлянское городище. План ИСацыперова, 1740-е гг.

М.И. Артамонов предполагал: «Были в крепости и более солидные сооружения из сырцовых кирпичей, по-видимому, крытые черепицей и с полами, вымощенными обожженными

глиняными плитками. К сожалению, ни одно из них ещё не раскрыто раскопками» (1962. С. 318, 319) – Раскопки гипотезу М.И. Артамонова не подтвердили. Хотя они не были сплошными, тем не менее места для таких «солидных» сооружений в крепости не остаётся. В крайнем случае это могла быть небольшая постройка, местонахождение которой определить трудно. Но и это моё предположение ненадёжно. Зато С.А. Плетнёва и я обнаружили небольшие прямоугольные «погребки», облицованные внутри сырцовыми кирпичами нестандартных размеров.

Черепица, обломки керамид и калиптеров, в моих новых раскопках 2003–2010 гг. представлены сотнями обломков, которые в совокупности могли составить лишь несколько десятков целых экземпляров. Не так много, но интересен сам факт присутствия черепицы в крепости, сплошь занятой юртообразными постройками, которые никак не могли бы выдерживать тяжесть черепичной кровли (Флёров В.С., Ермаков С.Н. 2010. С. 443, 444) – Парадоксально, но в соседнем Саркеле с его кирпичными строениями найдено всего два обломка калиптеров (совершенно иного типа). Происхождение правобережной цимлянской черепицы остаётся невыясненным, но вряд ли она доставлялась из Семикаракорской крепости или только из неё. При однотипности керамид и калиптеров обеих крепостей правобережные цимлянские более качественные по промешанности глины и тщательности формовки.

Наиболее «загадочным» из строительных материалов оказалась *керамическая плитка* (целые не найдены) шириною 10–12 см при толщине в среднем 3 см. Предполагаемая длина 20–24 см. Поражает высочайшее качество лучших экземпляров: выполнены из тонко отмученной глины амфорного типа, а боковые грани по прямизне можно сравнить с гранями современного стола. Качество лучших образцов несравнимо с качеством саркельских кирпичей. Последние грубее сформованы и имеют иные признаки замеса. Глина плиток по составу и однородности замеса напоминает глину херсонесских и фанагорийских пифосов (я не знаком, к сожалению, с натурными образцами таманских).

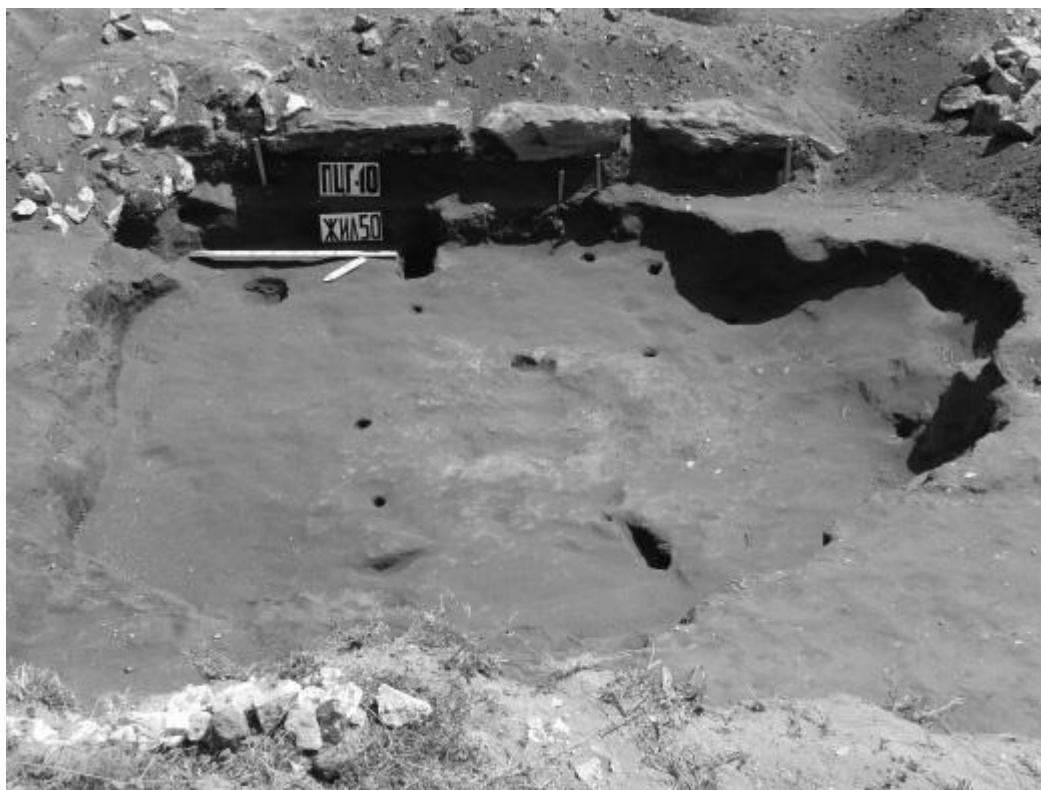
Особенность плитки: увеличение толщины от торцов к середине (вспухание). Отмечу, что плитка по всем параметрам (размеры, состав и промешанность глины, качество отделки) нестандартна. Наряду с лучшими образцами есть грубо сформованные. Впечатление, что каждый экземпляр выполнялся индивидуально.

Место изготовления плитки остаётся под вопросом. Аналоги в Северном Причерноморье мне неизвестны. Прототипы не установлены. Находимые в крепости обломки плиток и черепицы немногочисленны. Говорить о том, что они «изготавливались специально для крепости» (Артамонов М.И. 1962. С. 320), не приходится за отсутствием данных об этом.

Нет оснований говорить об изготовлении специально для крепости *обожжённых кирпичей* толщиной 4–7 см лишь на том основании, что на них нет следов извести (Там же). В последние годы мною найдены на городище и обломки кирпичей с налипшим известковым раствором, что дополнительно указывает на их саркельское происхождение. Кирпичи, преимущественно обломки, встречаются на всей площади крепости на всем протяжении её существования, в том числе в углублённых юртообразных жилищах и сопровождающих их хозяйственных ямах, с момента основания крепости.

В конце жизни крепости кирпичи в большом числе нашли особое применение, однако никак не соответствующее их прямому назначению. Судя по раскопкам И.И. Ляпушкина, из них стали выкладывать площадки, служившие, вероятно, основаниями наземных жилищ.

В итоге у нас нет данных для того, чтобы говорить о существовании в крепости каких-либо кирпичных строений, крытых черепицей и вымощенных плиткою. Раскопки на Правобережном городище ещё не завершены (хотя и приостановлены), и, возможно, они дадут новые и неожиданные результаты, что позволит вернуться к обсуждению характера этого памятника.

Илл. 9. Правобережное Цимлянское городище. Юртообразное жилище № 50; на заднем плане плиты основания восточной крепостной стены.

Раскопки В. С. Флёрова, 2010

Является ли памятник Правобережное Цимлянское городище остатками города? Безусловно нет. Это *крепость*, построенная, вероятнее всего, в византийских традициях (с непосредственным участием византийских инженеров?) и заселённая гарнизоном – группой вчерашних кочевников с семьями с традиционными для них юртообразными жилищами (рис. 9), расположенными без всякой системы. Условно говоря, культуру населения крепости можно назвать «культурой юртообразных жилищ». Что касается черепицы, кирпичей, плиток, то для гарнизона это был необычный материал, которым они по-настоящему воспользоваться не могли, да не было в этом и необходимости при их приверженности к традиционному жилищу.

Не относил Правобережное городище к городам и С.А. Плетнёва, включив его в группу «замки». Так ли это?

«Замки» или иное

В своей самой известной монографии «От кочевий к городам» С.А. Плетнёва шесть поселений с земляными валами, включая неизученное у с. Костомарово на Среднем Дону, относила к категории замков. В данном случае «замок» представлен автором социальной категорией, но не архитектурной или фортификационной: «...эти большие огороженные посёлки можно считать одной из первичных форм “феодалных кочевнических замков”» (Плетнёва С.А. 1967. С. 24).

«Кочевнический замок» – сочетание для меня неприемлемое. Оно, как и другие категории в трудах Плетнёвой, является производным из самой концепции – развитие Хазарии «от кочевий к городам». Тема «кочевые феодальные замки» была позднее разработана С.А. Плетнёвой в другой монографии (1982. С. 78). К ней я ещё вернусь.

Двенадцать городищ салтово-маяцкой культуры С.А. Плетнёва отнесла уже без всяких оговорок к «каменным замкам» (Плетнёва С.А. 1967. С. 25–44). Среди них и Правобережное Цимлянское городище. Может быть, это сделано под влиянием отдельных фраз в ряде трудов М.И. Артамонова.

В ранней монографии М.И. Артамонов на основании найденных В.И. Сизовым следов «квадратного здания» писал о Право-бережном Цимлянском городище: «Может быть, правобережное городище предстанет перед нами в виде *замка* местного *феодалного властителя*, т. е. как важнейшее свидетельство *социально-экономического строя* Хазарского государства» (Артамонов М.И. 1935– С. 86). Не трудно усмотреть во фразеологии влияние времени. В 1934 г., уже завершив монографию, Артамонов писал о Правобережном городище как о «*маленьком укреплении*», которое, «по-видимому, представляет *род* феодального замка» (цит. по: Медведенко Н.А. 2006. С. 119). Я прежде всего обращаю внимание на этот небольшой нюанс – *род* замка (т. е. разновидность), за которым явно должно было стоять понимание, что этот хазарский замок чем-то отличается от западноевропейских. В «Истории хазар» (1962. С. 321) городище постоянно называется *крепостью*, но, определяя его назначение, М.И. Артамонов вновь говорит о замке местного владельца, правда не называя его феодальным владельцем. Мне трудно комментировать это упорство известного ученого, тем более что проблему феодализма в этой книге он специально не рассматривает.

Понятие «замок» (в современном немецком языке *das Schloß*) пришло в отечественную историографию из западноевропейской медиевистики. Западноевропейский замок – мощное фортификационное сооружение с плотной застройкой, часто это одно сплошное здание, стены которого являются одновременно крепостными (Виолле-ле-Дюк Э. 2007). Второе принципиальное отличие: европейский замок – это жилище *феодала* с запасами, рассчитанными на многие месяцы, а то и годы осады. Но европейские государства времен Хазарского каганата ещё не знали таких замков. К примеру, для Германии под замками понимаются сооружения крепостного характера, в которых главное место отводится жилым и парадным помещениям. Строятся они с конца XIV в. (Майер В.Е. 1981. С. 122). Ничего подобного в Хазарии не было. Справедливости ради отмечу, что небольшие укрепления (*castrum*) в сельских местностях строятся в Западной Европе, в частности во Франции и Германии, в IX–X вв. Одновременно подновляются старые, римского времени, получавшие иное название (*castellum, bur-gus*). А.К. Дживелегов в небольшой обзорной книжке связывал это строительство с набегами норманнов и мадьяр (Дживелегов А.К. 1902. С. 11). Не следует забывать и об участии в этом строительстве церкви. Не буду углубляться в историю западно-европейских замков. Отмечу другое. Социальные процессы шли в Европе совершенно по иному пути, и при сравнении социальных статусов укреплений там и в Хазарском каганате это надо учи-

тивать. Если же и предпринимать такое сравнение, то непременно с участием медиевистов, которые, уже «глядя из Европы», выскажут своё мнение о «замках» каганата.

Вряд ли что-либо решит замена «замка» арабским «qasr».

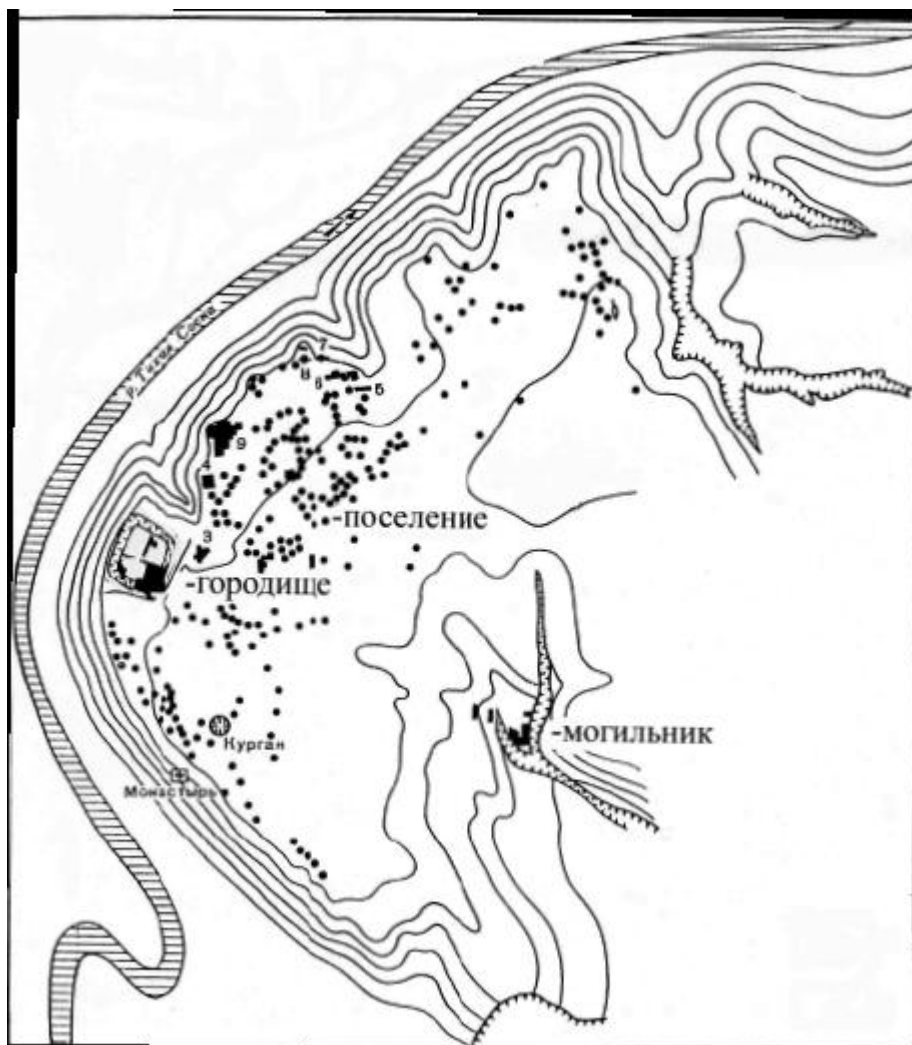
Проблема социальной характеристики городищ Хазарского каганата сложна. В ней переплетены минимум «четыре неизвестных»: 1) наше весьма смутное представление о социальных процессах в каганате; 2) практически полное отсутствие известий о внутриполитических событиях, о степени централизации власти и самостоятельности местных институтов; 3) слабая изученность некоторых и полная неизученность большинства городищ; 4) как вытекающее из последнего, полное отсутствие представлений о хронологии и стадиях появления в каганате укреплений разных типов. В свете вышеперечисленного заслуживает упоминания возражение М.А. Рыбловой против тезиса С.А. Плетнёвой о связи куренного расположения жилищ на Правобережном городище с феодальными отношениями (Рыблова М.А. 2002. С. 37, 38).

В качестве примера иных решений проблемы полезно упомянуть гипотезу Деяна Рабовянова, посвященную выяснению причин появления и статуса укреплений, в том числе с доминирующим четырёхугольным планом. Речь идёт о становлении в X в. системы каменных крепостей с башнями-бастионами в районах Первого Болгарского царства, ранее охраняемых земляными «лагерами» (Рабовянов Д. 2007). Не без влияния исследований по общинным укреплениям Византии (частично и становлению крепостей в Западной Европе) болгарский исследователь предполагает, что *в период ослабления центральной власти, не обеспечивавшей должную охрану внутренних районов государства и торговых путей, за строительство укреплений берутся местные, достаточно свободные от аристократической зависимости слои населения*. В итоге «появляется множество крепостей, в сущности укрепленных селищ, отличающихся планами, способами и материалами строительства, соответствующими местным возможностям... Возможно, именно крепости типа «Цар Асен» были построены и поддерживались организованными *сельскими общинами*, находившими в них убежище». Мало того, этому процессу содействовало и государство (Там же. С. 355, 356). Д. Рабовянов приводит и археологические доводы. При том что крепости исследованы недостаточно, примеры заслуживают внимания. В укреплениях найдены те же полуземлянки, что и на синхронных неукрепленных поселениях. В двух случаях прямо отмечен невысокий общественный статус и экономические возможности обитателей крепостей. Другими словами, они не относились к богатым слоям. Даже церкви в них были маленькие и небольшие. Наконец, отмечено отсутствие в крепостях ценных находок. Забегая вперед: с жилищами и находками совершенно аналогичное положение в Маяцкой крепости. Что же касается «замков», то Рабовянов прямо указывает, что таковых в это время не было и в Византии.

Я не предлагаю перенести гипотезу Д. Рабовянова в исследования памятников Хазарского каганата и уклоняюсь от её оценки, не владея достаточным объёмом знаний о крепостном строительстве на Дунае. Но я обращаю внимание на саму возможность построения иных гипотез, нежели о «замках» в Хазарском каганате.

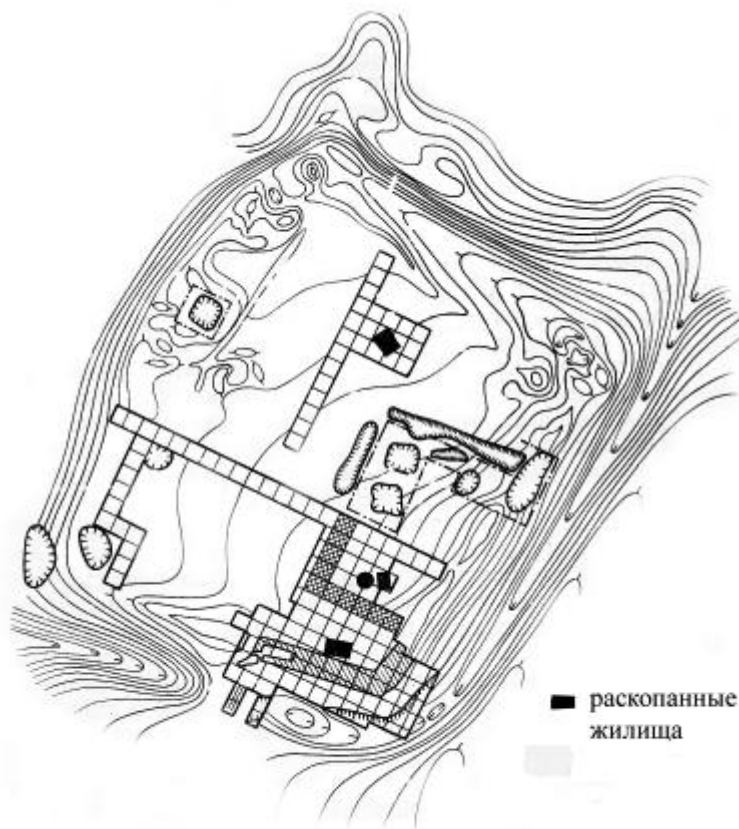
Было бы совершенно несправедливо не отметить, что термин «замок» неудачно, не по существу его содержания используется в работах некоторых исследователей до последнего времени. Так, в заслуживающем внимания труде Ф.Х. Гутнов упоминает с соответствующими ссылками на источники резиденцию царей Серира – *замок* с каменными стенами площадью 4x4 фарсаха. Сам же Серир X в. определяется им как раннеклассовое общество, но не феодальное государство (Гутнов Ф.Х. 2008. С. 26). Не разбирая данную характеристику стадийного положения Серира, отмечу, что «замок» просто не мог быть столь громадной площади и с таким протяженным периметром.

Итак, мы встретились с почти единовременными «замками»: с одной стороны, хазарским миниатюрным с десятками юртообразных жилищ – Правобережная Цимлянская крепость, с другой стороны – со столичным «замком» Серира, громадной площади, обнесенной каменными стенами.

Илл. 10.

Маяцкий археологический комплекс (по: Плетнёва С.А. 1984)

Илл. 11.

Маяцкое городище (по: Плетнёва С.А. 1984)

И ещё раз обратимся к Правобережной Цимлянской крепости – предполагаемому С.А. Плетнёвой «замку». Так вот, если мысленно убрать его внешние стены с башнями и внутреннее, то на берегу Дона в конце VIII – начале IX в. мы увидели бы небольшой посёлок, состоящий из нескольких десятков примитивных юртообразных жилищ (на 2010 г. раскопано 50), издали напоминающих самые обыкновенные юрты. Обнаружить среди их скопления жилище вождя (постройка № 12) было бы чрезвычайно трудно, ибо оно ничем не отличается от прочих, разве что, позволим некоторую вольность, обозначено шестом с висящим на нём «знаменем». Так примем ли мы этот степной посёлок за замок как в архитектурном, так и в социально-экономическом аспекте?

Думаю, такой же виртуальный опыт стоит проделать и с другими крепостями Хазарского каганата.

Перейдём к памятникам в среднем течении р. Дона и на его притоке р. Северский Донец, начав с упомянутого Маяцкого комплекса.

Маяцкое поселение

Расположено при впадении р. Тихая Сосна в р. Дон. Занимает около 40 га (= 400 000 кв. м), включая небольшую крепость из блоков известняка (рис. ю). На поселении десятки жилищ (Плетнёва С.А. 1984). Из них исследовано около 50 – преимущественно однотипных полуземлянок (Винников А.З. 2006; Винников А.З., Плетнёва С.А. 1998; Винников А.З., Синюк А.Т. 2003. С. 260). Рядом с поселением комплекс из нескольких гончарных мастерских. Концентрации следов иного производства не обнаружено. А.З. Винников, исследователь поселения, отметил малое количество находок орудий труда кузнецов по железу и ювелиров, отсутствие железных шлаков.

Миниатюрная крепость, 95х80 м, практически не застроена (рис. и). В ней лишь несколько жилищ самого рядового облика. Ничем не выделяется по составу находок и цитадель крепости. Она невелика – 27х47 м. Как фортификационное сооружение Маяцкая крепость не слишком совершенна (Флёров В.С., Флёрова В.Е. 2008).

Илл. 12. У юго-западной стены Маяцкой крепости, слева направо: директор Дивногорского археологического заповедника М.И.Лылова, В.Е.Нахапетян-Флёрова, художница А.Атавина. 1991 г.

На блоках крепостных стен (рис. 12) среди сотен разных изображений и знаков только две более или менее длинные рунические надписи неизвестного содержания и несколько коротких (не расшифрованы). Об уровне грамотности населения эти находки ничего не говорят, но, вероятно, она была невысока.

Две культовые постройки на поселении довольно примитивны и типологически близки жилищам-полуземлянкам.

Среди исследованных погребений (катакомбы, редко ямы) могильника и поселения преобладают самые рядовые. Погребения знати, представителей правящего слоя не обнаружены. Таким образом, однообразию жилищ соответствует однообразие захоронений. Даже несколько воинских погребений нельзя признать сколь-либо выдающимися.

Маяцкий комплекс – один из наиболее исследованных памятников салтово-маяцкой культуры. Известен по многочисленным публикациям Г.Е. Афанасьева, А.З. Винникова, С.А. Плетнёвой, В.Е. Флёровой (Нахапетян), В.С. Флёрова и др.

С.А. Плетнёва пишет о Маяцком поселении с крепостью: «Вероятно, был городом» (Плетнёва С.А. 2002. С. 121). Аргументы не приведены. Перечисленные обязанности жителей, такие, как сельскохозяйственные работы, ремесло, внутренняя торговля, присущи любому сельскому поселению. Упоминается сбор дани и таможенных пошлин, но это не подтверждается археологическим материалом. Полностью отсутствуют находки монет на поселении, а на могильнике на 140 погребений найдена лишь одна индикация (серебро?), не поддавшаяся определению.

Многочисленность находок граффити и нескольких надписей автор сама объяснила хорошей сохранностью стен, служивших удобным «писчим» материалом. Так что это не свидетельствует о большем распространении здесь зачатков искусства и грамотности, нежели у населения иных регионов. Наконец, она же указала и на отсутствие уличной планировки на поселении.

В итоге на Маяцком поселении нет ни одного признака, который позволил бы выделить его среди прочих в лесостепи.

Теперь о крепости. Почти без культурного слоя, с несколькими рядовыми полуземлянками, она не была ни градообразующим ядром, ни даже постоянным местом жительства местного воинского начальника. Это не более чем убежище, причём для небольшого числа людей на случай непродолжительной осады. К Маяцкой крепости, как и аналогичным Верхне-Ольшанской, Верхне-Салтовской и подобным, не могут быть применены и определения типа «замок феодала». Затрагивая проблему планировки салтово-маяцких поселений, А.А. Тортика отметил: «Даже застройка окруженных оборонительными сооружениями участков – Правобережное Цимлянское городище, «цитадель» Маяцкого городища – лишена какой-либо упорядоченной планировки и по своему характеру напоминает застройку неукрепленных селищ» (Тортика А.А. 2005. С. 477)-

Оборона поселения базировалась не на маленькой крепости, а прежде всего на многочисленности населения и на взаимодействии с жителями соседних столь же обширных поселений с небольшими убежищами-крепостями или без них на р. Тихая Сосна: Алексеевское, Верхне-Ольшанское, Колтуновское, Красное, Павловское и др. (Афанасьев Г.Е. 1987«С. 182, 183). Основное назначение этой линии поселений, вероятнее всего, *сторожевое наблюдение за соседями-славянами на северо-западной границе каганата*. Я не говорю даже о долговременной обороне, которая только собственными силами этих поселений была невозможна. Я не очень погрешу, используя сравнение с Кавказской пограничной линией XIX в., при создании которой наряду с возведением крепостей и укреплений главным стабилизирующим мероприятием было заселение её, создание непрерывной цепи казачьих станиц против набегов горцев (Захаревич А.В. 2002. С. 7–9) – Без этого крепости оказывались изолированными друг от друга и совершенно беззащитными.

Не могу не отметить, что основной исследователь Маяцкого поселения А.З. Винников ни в одной из своих работ не называет его вкуче с крепостью городом. В археологическом отношении воронежский ученый характеризует памятник как «сложный археологический комплекс». Полностью согласен с таким определением⁸.

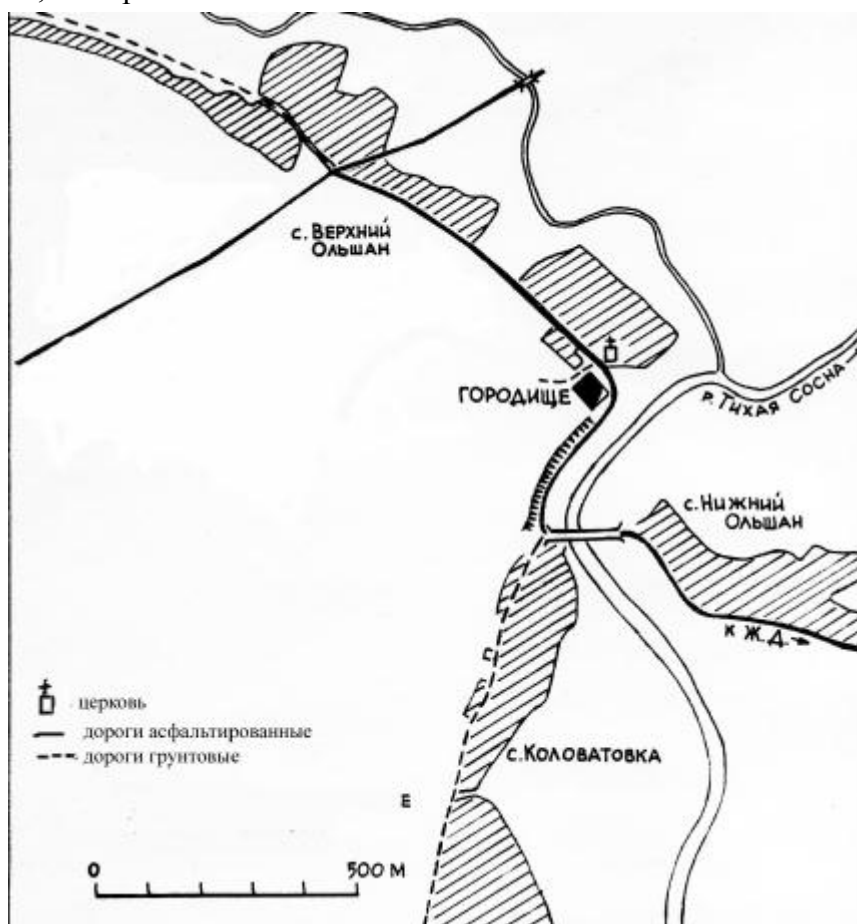
Перейдём к Верхне-Ольшанскому комплексу.

⁸ Уместно упомянуть авторитетное мнение А.З. Винникова о синхронном памятнике славян. Во время посещения известного городища Михайловский кордон в октябре 2008 г. я задал Анатолию Захаровичу вопрос: «Можно ли считать его остатками *города*?» Ответ был категоричен: «Конечно нет!» Напомню, Михайловский кордон входит в группу памятников, связываемых иногда с легендарным Вантитом (Пряхин А.Д. Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. 1997– С. 29–32).

Верхне-Ольшанский комплекс

Находится на той же р. Тихая Сосна при впадении в неё речки Ольшанки, в 40 км от Маяцкого выше по течению. Полностью аналогичен последнему, но менее изучен и менее известен. Это скопление поселений на протяжении не менее 2 км, среди которых стояла белокаменная крепость, 100х100 м (рис. 13, 14, 15). Как и на Маяцком, здесь открыт гончарный центр (Замятнин С.Н. 1921; Флёров В.С. 1994а; Якименко Е.В. 1994⁹).

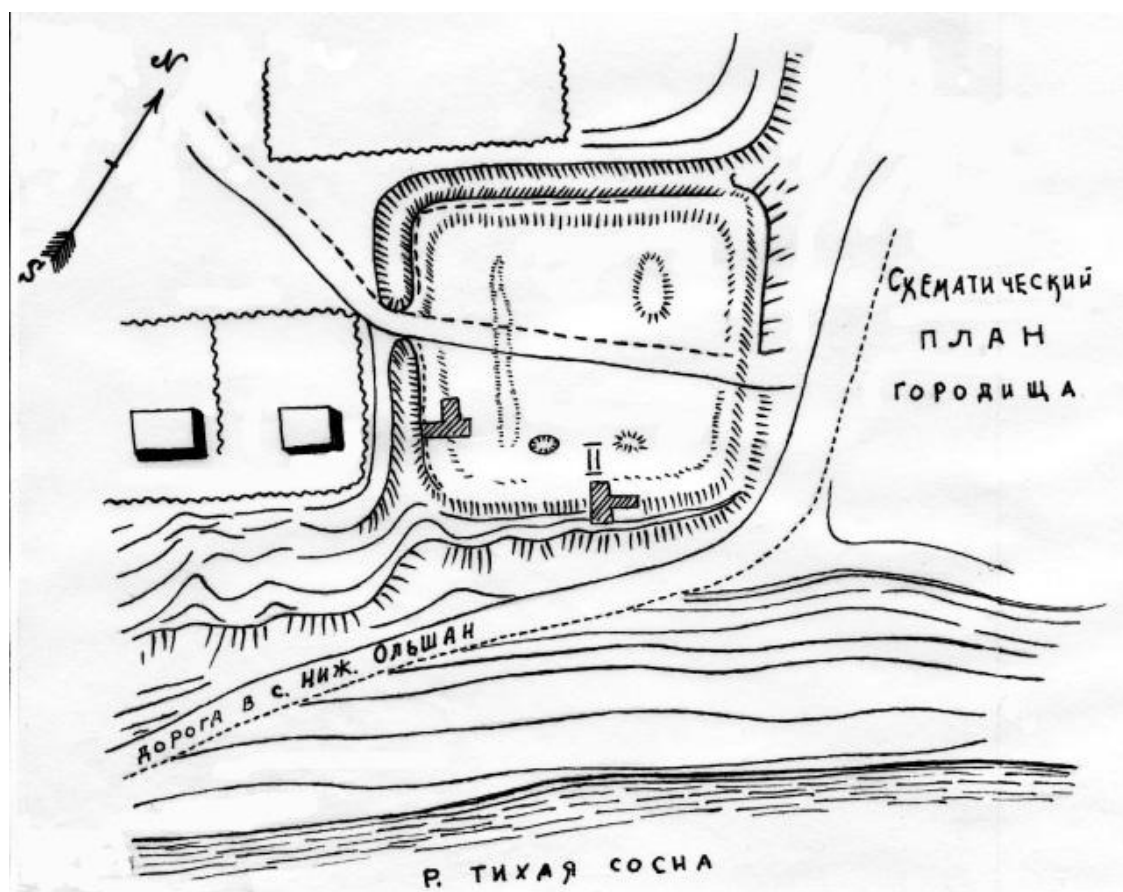
Внутреннее пространство крепости не исследовано, но мой небольшой раскоп 1991 г. свидетельствует об отсутствии на нём сколько-нибудь заметного культурного слоя. Уже это одно показывает, что крепость не имела многочисленного населения.

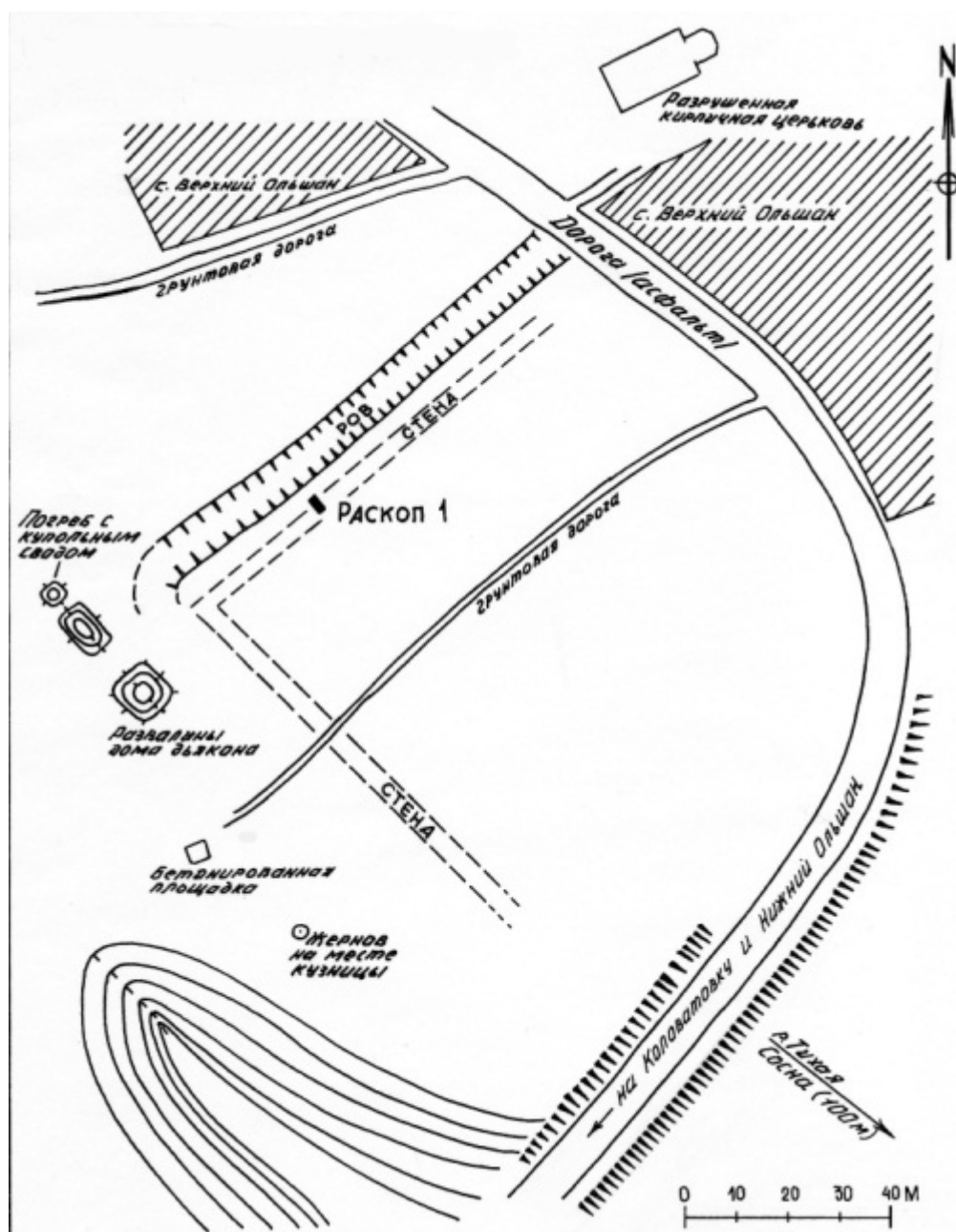
Илл. 13.

Местоположение городища Верхне-Ольшанского

⁹ Вряд ли стоит ожидать новых публикаций о Верхне-Ольшанском городище. Е.В. Якименко, по сведениям А.З. Винникова, ушла из археологии. Коллекции керамики остаются необработанными. Отличительная особенность керамического комплекса Верхне-Ольшанского поселения — большое количество и многообразие котлов с внутренними ушками, что указывает на распространение открытых очагов.

Илл. 14. Верхне-Ольшанское городище (по: Замятнин С.Н. 1921)

Илл. 15. Верхне-Ольшанское городище. Глазомерная съёмка В.С.Флёрова, 1991. Публикуется впервые

Верхне-Ольшанские могильники, предположительно катакомбно-ямные, пока не найдены.

Вместе с Маяцкой Верхне-Ольшанская крепость входила в северо-западную¹⁰ сторожевую пограничную линию Хазарского каганата. При том что Маяцкая и Верхне-Ольшанская крепости одинаковы, кладка на Верхне-Ольшанском городище более совершенна и выполнена из блоков более крупных размеров, чем в Маяцкой крепости. В прекрасно сохранившемся нижнем слое кладки внешнего панциря стены зафиксированы блоки следующих размеров (рис. 16):

¹⁰ В моей статье было ошибочно указано «северо-восточную» (Флёров В.С. 2005. С. 323).

№ блоков	Длина	Ширина	Высота (в см)
1	86	24	32
2	86	21	38
3	86	24	38
4	100	25	36
5	96	29	40
6	—	34	36
7	114	22	36
8	103	—	36

По размерам верхне-ольшанские блоки ближе блокам расположенной далеко на юге Правобережной Цимлянской крепости, нежели соседней Маяцкой.

*Илл. 16. Верхне-Ольшанское городище. Северо-западная стена крепости.
Раскопки В.С.Флёрова, 1991. Публикуется впервые*

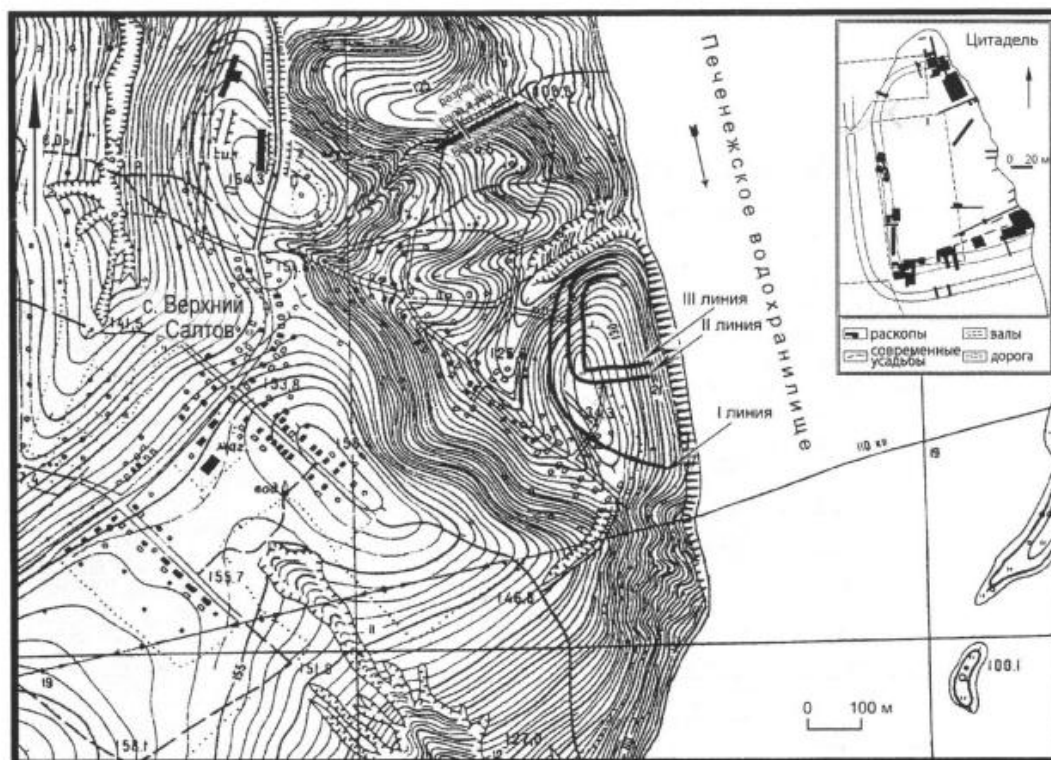
Нет особых сомнений в том, что Верхне-Ольшанская и Маяцкая крепости возводились разными группами каменщиков. Каждая из них строго не придерживалась определённой меры длины. Выбор размеров был довольно произволен. В определённой степени это позволяет предполагать у каменщиков Хазарского каганата довольно низкий уровень строительной культуры.

Верхнее Салтово и Нетайловка

Верхнее Салтово – один из самых известных памятников каганата, давший первое составляющее наименованию его культуры – *салтово-маяцкая*.

Историю раскопок городища изложил Г.Е. Свистун (2009; там же библиография). Исследовалось оно эпизодически начиная с

В.А. Бабенко, оставившего план ещё не нарушенной водохранилищем цитадели (рис. 17). Последующие раскопки Н.Е. Макаренко опубликованы предельно кратко. Печально, что не сохранились чертежи раскопок 1947–1948 гг. С.А. Семёнова-Зусера. Недавние раскопки В.В. Колоды, Н.В. Черниговой при участии Г.Е. Свистуна опубликованы частично. К настоящему времени в нарушение законодательства Украины об охране памятников археологии и при попустительстве местных властей городище застроено «новыми украинцами» и стало для исследований недоступно.

Илл. 17. Верхнее Салтово, городище (по: Свистун Г.Е. 2009)

При обращении к нижерассматриваемой проблеме «Верхнее Салтово: город или негород» надо иметь в виду следующее.

1. Основным объектом раскопок на городище Верхнее Салтово были стены цитадели. «На исследованиях оборонительных сооружений были сконцентрированы усилия практически всех археологических экспедиций, работавших на городище» (Свистун Г.Е. 2009. С. 469) – Внутреннее пространство цитадели осталось неизученным за исключением небольших площадей, опять же примыкающих к стенам. В итоге мы лишены всей полноты археологических данных о плотности её заселённости, а также типах, количестве и расположении жилищ; лишены и каких-либо социальных характеристик обитателей цитадели. Ко всему прочему, цитадель активно использовалась в XVII в., укрепления перестраивались. 2. Ещё в меньшей степени, чем цитадель, изучены пространство, охваченное внешним валом, и при-

мыкающие к городищу поселения. Их реальные границы не установлены; ещё хуже они представлены в публикациях. Г.Е. Свистун, изучавший архивные материалы раскопок, отметил существование на прилегающей к городищу территории селища, имеющего культурные отложения раннего и позднего Средневековья. Раскопки здесь вела А.Т. Брайчевская в 1959–1961 гг. В их ходе была зафиксирована граница «селища-посада». Но и её внимание было сосредоточено также на исследовании фортификации, а результаты их остались не опубликованными (Там же. С. 463, 464). Вероятно, информация была настолько скудна, что Г.Е. Свистун ограничился, помимо упоминания находок лощёной керамики (иной не найдено?), следующим: «С западной и северной сторон к городищу примыкает обширное селище, образующее посад крепости» (Там же. С. 363) «Но надо иметь в виду, что в центре внимания Свистуна было не селище, не вопросы заселённости крепости, а опять же, как у его предшественников, фортификация.

До настоящего времени по Верхнему Салтову нет ни одного обобщающего труда, нет и отдельного труда по исследованиям городища и поселения¹¹. Несмотря на такое состояние информации о памятнике, Верхнее Салтово без серьёзных оснований уже с 60-70-х годов XX в. стали называть «городом».

Одним из первых о Верхнем Салтове как «городе» (по-украински *Місто*) написал Д. Т. Березовец в сводном издании по археологии Украины (Археологія УРСР. 1975–С. 422). То же самое, но усилив акцент, повторила О.В. Пархоменко (Иченская): «...большой средневековый город, являвшийся, очевидно, крупным ремесленным, торговым и, возможно, административным центром» (Археология УССР. 1986. С. 217). Оговорки «очевидно» и «возможно» свидетельствуют о том, что данных для таких утверждений у автора не было.

В конце XX в. небольшие раскопки стены крепости-цитадели и нескольких прямоугольных полуземлянок на соседнем *Нетайловском поселении* проводила Н.В. Чернигова. Автор использовала исключительно археологическую терминологию (селище, городище) и вопрос о «городе» не поднимала (Чернигова Н.В. 199В, 1999).

Первым в полной мере о Верхне-Салтовском комплексе (включая в него и Нетайловский памятник) как о городе стал писать А.В.Крыганов, исходя в первую очередь из общих размеров поселений и могильников. Стоит процитировать полностью его описание памятника: «...Представлен огромным городищем с небольшой цитаделью и большими *пригородами*, несколькими частями громадного могильника с несколькими десятками тысяч катакомб. Расположенный напротив... Нетайловский археологический памятник состоит из огромного поселения и некрополя, где не менее 15 тысяч ямных могил. Оба являются остатками *самого большого города* салтовской культуры и всей (! – В.Ф.) Хазарии» (Крыганов А.В. 2001а. С. 102). На первый взгляд описание впечатляет, но разберёмся в нём.

¹¹ В мою задачу не входит описание упоминаемых в книге памятников. Описания читатель может почерпнуть из соответствующей литературы, в том числе трудов, на которые я ссылаюсь. Что касается структуры Верхне-Салтовского городища, то должен предостеречь: можно встретить разные и весьма нечёткие её описания, в которых путаются понятия «городище», «крепость», «цитадель». Так, к примеру, по Черниговой, памятник состоит из крепости с каменной цитаделью и посада (Чернигова Н.В. 1998. С. 52). Что здесь понимается под «крепостью», что под «цитаделью»? Я формально следую в данной книге за описанием, предложенным Г.Е. Свистуном, чтобы не вносить дополнительных разногласий. В то же время не полностью согласен с ним. В моём понимании прямоугольное (с одной скошенной стороной) замкнутое фортификационное сооружение на Верхне-Салтовском городище и есть *крепость*, не имеющая внутри *цитадели* (сравните с Маяцкой и Семикаракорской крепостями с цитаделями внутри). Под *городищем* же я подразумеваю всё пространство, окружённое внешними валом и рвом, первой линией обороны, по Свистуну. Н.В. Чернигова же под крепостью понимала всю территорию внутри внешней линии обороны. Так же описывает памятник В.С. Аксёнов: «Крепость была окаймлена рвом и валом... Цитадель размером 160х140 м была окружена двумя рядами известняковых плит, пространство между которыми было забутовано» (Аксёнов В.С. 2006. С. 73, 74). Вопросы терминологии для обозначения памятников салтово-маяцкой культуры, имеющих фортификационные сооружения, оказываются не так просты. Выбор их в первую очередь должен быть обусловлен функциями оборонительных сооружений, степенью заселённости заключённого в них пространства. Тема требует специального рассмотрения.

Городище не громадное, а самое обычное, а цитадель (в данном случае это не укрепление внутри крепости, а собственно крепость) столь же невелика, как и Маяцкая (90х115 м) или Верхне-Ольшанская (100х100 м). Её усреднённые размеры 160х140 м (Аксёнов В.С. 2006. С. 74). Для сравнения, размеры Семикаракорской прямоугольной крепости 200х215 м, а её прямоугольной цитадели 80х85 м. Пространство городища между второй линией обороны и цитаделью не исследовано, а работы на цитадели едва начаты. Были ли городище и его цитадель сплошь заселены – неизвестно.

Второе. Собственно поселение (селища), «пригород» по Крыганову, охватывает примерно 120 га, грубо округлая, 1х1,2 км (об этом см. ниже). Не много и вполне сравнимо с Маяцким поселением и другими в лесостепи. Но дело в том, что опять же совершенно неизвестно, было ли оно заселено сплошь или это скопление отдельных небольших посёлков с сельским, бессистемным типом размещения жилищ. Последнее же более чем вероятно. Так, сделавший сводку жилищ Верхнего Салтова

В.В. Колода (2000) перечисляет «селище», «селище А», «селище Б», но неизвестны границы и этих отдельных селищ. О структуре и планировке селищ данных нет. Кроме того, не изучен их культурный слой, в литературе нет ни его детальных описаний, ни стратиграфических чертежей. Об одном из селищ (каком из двух?) имеется лишь очень краткая, менее страницы текста, информация¹² (Колода В.В. 1998а. С. 22).

Третье. Что же касается жилищ, то их на 2000 г. (более поздними данными не располагаю. – В.Ф.) было разными авторами и в разные годы раскопано всего 18 (!) на предполагаемые 120 га – землянки и полуземлянки, при этом, как указывает В.В. Колода, жилища, исследованные С.А. Семёновым-Зусером, не опубликованы и не поддаются анализу (Там же. С. 41). Лишь одно жилище наземное со стенами вроде бы «в ёлочку» (Колода В.В. 1999а- С. 70), но и оно, кажется, не опубликовано. Действительно ли там обнаружен этот тип кладки, широко распространённый в VIII–IX вв. в некоторых городах и поселениях Крыма и Таманского полуострова?

Обратимся к могильникам. Вычисления количества погребённых в них сделаны исключительно «гипотетично», по предполагаемым площадям. Сплошного погребального поля здесь не было, катакомбные захоронения образуют отдельные участки. Границы Нетайловского могильника так же неизвестны, как и его структура. Таким образом, нет никаких подтверждений ни «десяткам тысяч» катакомб в Верхнем Салтове, ни «15 тысячам» в Нетайловском могильнике.

В итоге описание А.В. Крыганова оказывается ненадёжным предположением с преобладанием эмоционального момента. Тем не менее он объявил Верхнее Салтово вместе с Нетайловкой крупнейшим городом Хазарии (первоначально речь шла только об административно-торговом центре на северо-западной окраине Хазарии – Крыганов А.В. 1997– С. 57). На этом автор не остановился и отождествил Верхний Салтов с городом «Савгар-Сарада», исходя из созвучия, по его мнению, с «Салтановское-Салтово»: «Лингвистически здесь совпадают первые две буквы, а третья – в, р, л – зачастую при переходе из одного языка в другой взаимозаменяются» (Крыганов А.В. 1999) – Насколько грамотно такое «превращение» *Савгара* в *Салтов*, оценят лингвисты. Мне оно представляется сомнительным.

Верхнесалтовские катакомбные могильники дали около 200 монет, преимущественно арабских дирхемов. Казалось бы, это прямое подтверждение роли поселения как торгового центра. Но и здесь не всё так просто. Как отметил сам А.В. Крыганов, монеты заношенные, использовались как украшения. Надо полагать, как средства платежа дирхемы не представляли интереса для местного населения. В целом же монетный материал требует изуче-

¹² Я не исключаю, что имеются и другие публикации, оставшиеся мне неизвестными. К сожалению, поступление украинской археологической литературы в Россию происходит нерегулярно.

ния специалистами-нумизматами, которые должны установить эмиссии, пути поступления и определить сроки запаздывания монет при помещении в погребения. От археологов надо ждать детального рассмотрения монет в контексте погребального обряда (распределение по половой принадлежности и возрасту погребённых, места расположения в погребении, сочетание с прочими вещами, в том числе с немногими импортными видами (например, бусами).

Совершенно иная картина изученности и точности сведений о Верхне-Салтовском и Нетайловском памятниках рисуется по другой публикации А.В. Крыганова (20016). Оказывается, границы Верхне-Салтовского могильника необходимо уточнять, для чего нужны разведки; протяженность Нетайловского поселения в 7 км (по Д.Т. Березовцу) сомнительна, и уточнить её из-за затопления водохранилищем сейчас нельзя; «вопрос о размерах и количестве погребённых [на Нетайловском могильнике] является сложным» и так далее. Не сообщая ничего нового о Верхне-Салтовском поселении, городище и каменной цитадели и Нетайловском поселении, автор опять повторил свой тезис о «самом крупном археологическом памятнике салтовской культуры и всей Хазарии», называя его «Сарада». Никаких новых доказательств своих определений автор не привёл. Особенно большое сомнение вызывает протяженность Нетайловского поселения. Действительно ли это одно сплошное поселение или вереница разрозненных? Аналогичный вопрос мы относим и к «пригороду» Верхне-Салтовского городища, протяженность которого указана в 4 км (Крыганов А.В. 20016. С. 347) – С полной ответственностью утверждаю – селищ протяжённостью 4 и тем более 7 км на территории Хазарского каганата не существовало. Совершенно очевидно, что эти цифры указывают лишь на распространение разрозненного подъёмного материала.

Судя по публикациям, Нетайловское селище сегодня уже недоступно для исследований. Что касается раскопок на нём Кочетокской экспедиции 1960–1961 гг., то из небольшой публикации Н.В. Черниговой узнаём следующее. Результаты работ Кочетокской экспедиции не опубликованы, мало того, отсутствуют отчёты о её раскопках. Сама исследовательница для издания нескольких жилищ Нетайловского селища пользовалась только дневниковыми записями А.М. Шовкопляс. Однако даже дневниковые записи, как бы тщательно они ни велись, не восполнят потери информации в ходе самих раскопок из-за способа их проведения. «Культурный слой снимался при помощи бульдозера отдельными траншеями, в результате чего было вскрыто около 1000 кв. м площади селища. Естественно, при такой методике раскопок не было возможности проследить характер этого слоя, степень его насыщенности вещевым материалом и пр. Фиксировались лишь строительные остатки, врезанные в материк»¹³ (Чернигова Н.В. 1998. С. 52, 53).

Некоторое недоумение вызывает опубликованная А.В. Крыгановым карта «Города (мн. число. – В.Ф.) на территории салтово-маяцкой культуры (Хазарии)». Единственный обозначенный на нём пункт – «Верхне-Салтовский и Нетайловский археологические памят-

¹³ Не будем сегодня безоговорочно осуждать Д.Т. Березовца и А.М. Шовкопляс за столь варварский способ раскопок гибнущего памятника. Но независимо от наших мнений результаты раскопок оказались чрезвычайно неполноценными. Непростительно отсутствие отчётов, независимо от причин. В аналогичной ситуации в ходе раскопок Саркела, обречённого на затопление Цимлянским водохранилищем, прибегнул к использованию бульдозера М.И. Артамонов, но только в последний сезон исследований, 1951 г. Логика действий археологов в обоих случаях понятна – вскрыть максимально большую площадь исчезающего памятника, пожертвовав качеством исследования. Правда, М.И. Артамонов поступил несколько иначе: он пожертвовал только беловежским слоем на части городища, чтобы успеть тщательнее исследовать хазарский слой. Опыт раскопок на ныне вслед за Саркелом гибнущем Правобережном Цимлянском городище привёл меня к убеждению, что качество спасательных раскопок должно превалировать в любых ситуациях над их объёмом. Другими словами, лучше исследовать небольшой участок, но предельно тщательно, сделав его эталонным для памятника, нежели раскопать кое-как большие площади, выхватив из памятника только постройки и отдельные вещи. Решения должны приниматься коллегиально группой уполномоченных на то специалистов, а не одним руководителем раскопок. Не секрет, что новоявленные акционерные общества более заинтересованы в прибыли путём выполнения максимальных объёмов работ, нежели в решении научных проблем археологии.

ники» (Крыганов А.В. 2001 б. С. 348, рис. 1). Поскольку автор назвал их «остатками крупнейшего города Хазарии», то на карте следовало бы обозначить и менее крупные.

Другой автор, В.К. Михеев, называл Верхне-Салтовское городище городом Серате («городище отождествляют с городом Серате», но кто, не указано) и полагал, что на площади 120 га, «ограниченной рвом», могло проживать 6–7 тысяч человек (Михеев В.К. 1999–С. 31). На каких основаниях сделан расчёт? Нетрудно подсчитать, что на одного человека, по Михееву, приходится 170–200 кв. м. Почему именно эти исходные данные были взяты автором, тоже не ясно. Сегодня какие-либо данные о плотности заселённости можно получить по Маяцкому поселению, где вскрыты относительно большие площади с жилыми и хозяйственными постройками, а на поверхности хорошо видны западины нераскопанных жилищ (рис. 18). Верхне-Салтовский памятник исследован слишком незначительно, чтобы проводить такие вычисления.

Если харьковские археологи в какой-то мере предлагали какое-то собственное обоснование идентификации памятника Верхнее Салтово с указанным полулегендарным городом, то киевский археолог О.В. Сухобоков со ссылками на труды Б.А. Рыбакова пишет о тождестве Верхнего Салтова и города Сарад как об установленном факте. Он считал Верхнее Салтово политико-экономическим центром «алано-болгаро-буртасской федерации» (вслед за В.К. Михеевым?), при этом вновь как не вызывающая сомнения упоминается площадь в 120 га (Сухобоков О.В. 2004. С. 163). В связи с этим должен уточнить собственную позицию по вопросу о Сараде. На сегодня нет данных для безоговорочного принятия этой версии. Если появятся новые источники, то к этой проблеме можно будет вернуться вновь. Попутно замечу, что впоследствии оба автора так и не объяснили, что же это за «алано-болгаро-буртасская федерация» и каково её место в Хазарском каганате. Более всего недоумения вызывает её третья составляющая – буртасы, проблема географии расселения которых, не говоря о неизвестной донныне материальной культуре, остаётся хронически дискуссионной (Тортика А.А. 2006. С. 302 и сл.) и без надежды на решение.

В.С. Аксёнов, многие годы плодотворно исследующий Верхне-Салтовский катакомбный могильник и не занимающийся специально проблемами городища, видит в нём остатки «административного центра Хазарского каганата в северных землях», называя этот поселенческий комплекс то крепостью, то городом (Аксёнов В.С. 2006. С. 76).

* * *

На мой взгляд, Верхне-Салтовское поселение с его маленькой крепостью, по имеющимся на сегодня данным, не может претендовать на особое место в системе аналогичных поселений бассейна Северского Донца, тем более на определение «город». Соответственно нельзя говорить ни о «пригородах», ни о «посадах города», ни о «посаде крепости». Они появляются, повторяю, когда уже сложилось основное ядро города. С.А. Плетнёва не решилась сразу назвать Верхнее Салтово городом и сначала пишет как об «одном из наиболее вероятных городов», но затем всё-таки «вероятный» отбросила, упоминая и «посад», и «торговый центр» (Плетнёва С.А. 2002. С. 118, невероятно, пройдет *не один десяток лет*, пока все данные раскопок Верхне-Салтовского и Нетайловского памятников будут обработаны в комплексе и полностью изданы. Поселения же требуют дальнейших многолетних рутинных раскопок. Только после этого можно будет вернуться к вопросу о статусе Верхне-Салтовского комплекса, его месте в цепочке городищ Северского Донца.

В заключение отмечу, что мне не удаётся выяснить, кто определил, что площадь поселения составляет именно 120 га. Так что и общую площадь распространения поселений

(пресловутые «пригороды») около Верхне-Салтовского городища ещё предстоит уточнить¹⁴. Так, В.С. Аксёнов сообщает иные сведения: «Общая площадь Верхне-Салтовского археологического комплекса – около 150 га. Только катакомбный могильник занимает около 100 га» (Аксёнов В.С. 2006. С. 74). Не совсем понятно, входит ли площадь могильника в указанные 150 га.

Все сегодняшние обобщения, касающиеся Верхнего Салтова, опережают изученность его как археологического источника. Пример в салтово-маяцкой археологии довольно распространённый.

О назначении Верхне-Салтовского памятника можно встретить самые разные предположения. Выше упомянуто мнение О.В. Сухобокова как о центре федерации алан, болгар и буртасов. Выходя за рамки темы, замечу, что мнение Г.Е. Афанасьева (ссылку на работу последнего делает автор) о присутствии буртасов на Дону – Северском Донце подвергнуто серьёзной критике харьковским историком А.А. Тортика в том же альманахе, где размещена статья Сухобокова (Тортика А.А. 2004).

М.В. Горелик выдвинул самую невероятную версию. Полагая, что у кабар после поражения в восстании возникло самостоятельное политическое образование, он пишет: «Самым большим центром новой страны, которую условно можно назвать – по политически господствовавшим в ней силам – Кабарией-Угрией, можно считать Салтово. Северными центрами оказываются Киев и Чернигов, особенно первый из городов» (Горелик М.В. 2002. С. 27). Не буду комментировать последнюю фразу – о том, что Киев (равно как и Чернигов) не имеет отношения к хазарам, написано достаточно (например: Флёрв В.С. 2000; Толочко П.П. 2001). Что же касается Верхнего Салтова, то, во-первых, автор не приводит абсолютно никаких доказательств своего тезиса; во-вторых, обходит вопрос о громадном катакомбном могильнике, который никак не мог принадлежать кабарам. Да и какой у них был погребальный обряд, неизвестно.

Рассматривать в небольшой книге все известные к нашему времени городища верхнего течения Северского Донца не представляется возможным. На некоторых проходили лишь небольшие работы, большинство известно только внешне. Кратко коснёмся только ещё одного, более изученного в сравнении с другими – городища Маяки.

¹⁴ А.В. Крыганов ссылается на сведения «Сельской книги памяти воинов, погибших в боях при освобождении села Верхний Салтов, села Украинка Волчанского района Харьковской области в 1941–1943 гг.», 1998, в которой упомянут город Сарада площадью 120 га. Возникает вопрос: где первоисточник этих сведений о 120 га? Это издание к археологии отношения не имеет. Судя по теме, оно подготовлено сельскими краеведами.

Маяки

Ниже Верхнего Салтова по течению Северского Донца расположено несколько городищ салтово-маяцкой культуры, среди них Маяки (Царино; не путать с Маяцким). Исследовалось В.К. Михеевым; опубликованы краткие сведения (Михеев В.К. 1985 С. 12–18). Комплекс состоит из городища, двух селищ, четырёх могильников.

Городище неправильных очертаний (670х360 м; 17,78 га) имеет рвы и валы, возникшие на месте ранее (!) существовавшего селища. Культурный слой городища всего 40–50 см. Особо отмечу зольники на его территории.

Селище № 1 не исследовалось, его размеры – 30 га – установлены по подъёмному материалу. Я не исключаю, что оно не было сплошь заселённым. На селище № 2 (9 га) открыто несколько жилищ – юртообразные и полужемлянки, хозяйственные ямы. Большое количество железных предметов, до 800 экз.

Сам В.К. Михеев об отнесении памятника Маяки к городам вопрос не ставил. Это делает С.А. Плетнёва – «город среднего размера», пользуясь указанной публикацией В.К. Михеева. Аргументация следующая: «весьма крупные размеры, довольно отчётливо выявляющийся культурный слой, наличие примыкающих к укреплению поселений – посадок (?), наличие нескольких могильников. И, пожалуй, главное – большое количество железных вещей, что свидетельствует о развитом кузнечном деле, а сделанные орудия практически демонстрируют развитие в городе всевозможных ремёсел» (Плетнёва С.А. 2002. С. 120).

Рассмотрим по порядку. 1. Размеры памятника совершенно обычны для городищ лесостепи. Многие же (например, Сидоровское) значительно превосходят Маяки. О чём не пишет

С.А. Плетнёва: городище почти не изучено, ничего не известно о его заселённости, внутренней структуре и планировке расположения жилищ. Однако образование зольников на городище – яркое указание на то, что свободного пространства на нём было более чем достаточно. Вообще же зольники – это характерная черта многих обычных открытых сельских поселений каганата.

2. Культурный слой городища – 40–50 см – также характерен для обычных поселений. Кроме того, неизвестно, на всей ли площади городища он распространён.

Илл. 18. Маяки, городище (по: Михеев В.К. 1985)

3. Концентрация поселений около городищ также типична для всех городищ лесостепи. В качестве примера укажу на Дмитриевский археологический комплекс, который исследовала сама С.А. Плетнёва и который она городом никогда не называла (Плетнёва С.А. 1989)-

4. Остаётся кузнечное дело. Во-первых, следует иметь в виду, что сохранность железных изделий определяется в первую очередь свойствами культурного слоя, на что указала сама автор («свойства грунта, сохранявшего железо от ржавчины»). Во-вторых, само по себе кузнечное дело никак не может служить признаком города. Без него не могло существовать ни одно более или менее значительное поселение, открытое сельского типа или крепость, как и без собственного гончарного ремесла. Так, большое разнообразие железных орудий труда представлено на Правобережном Цимлянском городище, где этому способствовали всё те же химико-физические особенности культурного слоя (Плетнёва С.А. 1994) – В-третьих, количество остающихся на любом поселении предметов, особенно металлических, зависело от

обстоятельств, при которых оно было покинуто жителями. При внезапном бегстве всё имущество могло быть брошено. При неспешном, заблаговременном уходе при угрозе нападения все необходимые предметы уносились с собою. Наконец, количество любых вещей, в том числе из черных металлов, сокращалось при медленном затухании поселения вплоть до полного прекращения на нём жизни.

При всём желании их найти, признаков, позволяющих признать Маяки городом, пока не обнаружено ни по структуре, ни по содержанию культурного слоя, ни по типам жилищ. Соответственно нельзя говорить о поселениях около городища как о «посаде». Не случайно С.А. Плетнёва поставила за определением «посад» вопросительный знак.

Хочу обратить внимание на ещё один важный момент. В.К. Михеев указывает, что валы городища насыпаны на месте более раннего поселения, что подтверждает мой тезис о том, что укрепления возникали на уже освоенных населением территориях, но не наоборот.

Городище Маяки единственное земляное из привлечённых мною. Это сделано для того, чтобы проиллюстрировать то, что проблема «город – не город» стоит и для такого типа памятников.

* * *

Нет возможности в данном небольшом издании охарактеризовать все городища бассейна Северского Донца, которые хоть в какой-то степени подвергались раскопкам. Помимо городища Маяки В.К. Михеев сообщает некоторые сведения о памятниках Сухая Гомольяна, Старое Салтово, Пятницкое, Сидорово, Теплинское, Святогорское, Татьяновское, Кировское, Новосёловское (Михеев В.К. 1985. С. 5–24). Ни одно из них не содержит ни малейших признаков города, как и упоминаемое С.А. Плетнёвой Ютановское городище. По крайней мере того, что отличало бы их от обычных поселений. Обнаруженные на некоторых из них жилища являются обычными юртообразными, полуземлянками или наземными с деревянными конструкциями. Рассредоточение их на самих городищах и примыкающих поселениях свободное. Мощность культурных слоёв незначительна.

В настоящее время Э.Е. Кравченко (г. Донецк, Украина) продолжает раскопки Сидоровского городища (17,9 га) с примыкающими поселениями на площади около 100 га. Пока же его основные раскопки происходили на могильнике (Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. 2001). Исследователь воздерживается от определения Сидоровского памятника как города (доклад в Институте археологии в феврале 2004 г.).

В.В. Колода и Г.Е. Свистун (г. Харьков, Украина) ведут раскопки Волчанского и Мохначанского городищ на р. Северский Донец, отражённые в серии предварительных публикаций (например: Колода В.В. 1998б; Свистун Г.Е., Чендев Ю.Г. 2002). Становится всё более понятным, что и эти памятники, о которых ранее почти не было информации, остатками городов не являются.

«Протогорода», «раннегородские структуры»

Первой реакцией на мои предшествующие выступления и публикации по проблеме городов в Хазарском каганате была статья харьковского археолога В.В. Колоды (Колода В.В. 2009). Признавая дискуссионность выделения городов Хазарского каганата, он по сути согласился со мною в том, что городов в каганате обнаружить не удаётся (Там же. С. 35). Моя позиция в перспективах поиска городов была оценена им как «весьма пессимистическая», хотя сам я назвал бы её констатирующей.

Статья В.В. Колоды в целом носит характер предположений и некоторого присущего автору теоретизирования, отправной точкой для которого служит предложенная им типология городов Восточной Европы конца 1-го тыс. н. э.: 1) *античновизантийский* (причерноморский) – полисный; 2) *северокавказский* – крепости; 3) *восточный* (степной) – ремесленно-торговый, с крепостью и обширной сельскохозяйственной округой; 4) *древнерусский* (изначально родоплеменной центр) – многофункциональный, с кремлём и посадом.

Признаюсь, разобравшись, из чего исходил автор в этой градации, я не был в состоянии. Полагаю, что такие же трудности испытывают и другие читатели статьи.

Идея статьи В.В. Колоды состоит в следующем: если города в Хазарском каганате не обнаружены, то попробуем выделить «протогород, как городище, обладающее некоторыми чертами и средневекового города». Вводятся два дополнительных показателя: «*общая площадь прилегающих к нему поселений селищного (? – В.Ф.) типа и зоны ремесленно-торговой деятельности*» (Там же. С. 36). На их основе из 37 городищ (27 из них не названы) к протогородам В.В. Колода причисляет десять: Волчанское, Верхний Салтов, Чугуевское, Мохнач, Коробовы Хутора, Сухая Гомольша, Сидоровское, Маяки, Ютановское, Маяцкое. Кроме того, к перспективным в смысле присвоения им статуса «протогорода» отнесено «практически неисследованное» Кировское городище. Чтобы прокомментировать весь список, требуется отдельная статья. Сам же автор отвел для каждого городища три-пять строк. Часть поименованных памятников известна только внешне, на других вскрыты очень небольшие площади. Достаточно полно раскапывался лишь Маяцкий комплекс. Таким образом, база источников для обсуждения неполноценна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.